

Александр Лучанинов

КАМЕНКА

место, которого нет на картах

Александр Лучанинов

Каменка

«Издательские решения»

Лучанинов А.

Каменка / А. Лучанинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507491-1

На бескрайних просторах постсоветского пространства существует целый вид населенных пунктов, о которых редко вспоминают — умирающие села. А ведь именно здесь, близко к людям, но вдали от цивилизации происходят удивительные вещи. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507491-1

© Лучанинов А.
© Издательские решения

Содержание

1 Дорога	6
2 Дом	16
3 Работа	27
4 Кот	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Каменка

Александр Лучанинов

© Александр Лучанинов, 2019

ISBN 978-5-0050-7491-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Дорога

Электричка мерно покачивалась, отбивая колесами убаюкивающий ритм. Володаров сидел на жесткой деревянной лавке и, подперев кулаком подбородок, задумчиво наблюдал за тем, как в окне мелькают поля и деревья. Монотонность происходящего навевала на него тоску, клонила в сон, но спать он не мог. Боялся пропустить нужную остановку. Хотя на самом деле это не имело никакого значения. Реши он в эту самую минуту плюнуть на все, сложить руки и поехать куда глаза глядят, все равно уснуть бы не удалось. Слишком шумно, да и сильный запах табака, смешавшийся со смрадом перегара и пота, казалось, проедал тонкую перегородку между переносицей и мозгом, словно кислота. В такой обстановке на трезвую голову попробуй поспи. Остается только сидеть и тоскливо смотреть в даль, будто ты старый философ, положивший всю жизнь на решение загадки бытия.

– Билет, – вдруг проскрежетал неприятный голос где-то справа.

Володаров повернулся, и окинул все тем же тоскливым взглядом вопрошающего. А вернее вопрошающую. Ею оказалась тучная женщина с короткими сальными волосами, закрученными в непослушные пружинки химией, тонкими губами, криво накрашенными ярко красной помадой, и непомерного размера грудью, которой можно встать сразу за несколько отчизн. Одета она была в строгую, почти военную, форму работника железной дороги.

– Билет, – все так же скрипуче повторила она, протянув вперед пухлую руку.

Володаров порылся в кармане ветровки, нашел заветный клочок бумаги и передал его проводнице. Она, слегка прищурившись, сперва посмотрела на пассажира, затем на бумажку, а после – снова на него.

– Куда едем? – с тонкой ноткой агрессии переспросила она, будто подозревая, что билет был подделан.

– Каменка, – выдохнул Володаров.

Проводница снова взглянула на билет, и вернула его владельцу.

– Что, бабка померла? – ее губы растянулись в гримасе, которая должна была быть похожа на улыбку, но что-то пошло не так. Помада, собравшаяся в уголках рта в комки, сделала лицо проводницы похожим на хищный оскал дикого животного, только что нагнавшего свою жертву.

– А? – не понял вопроса Володаров.

– Я говорю, что в Каменку никто кроме местных не ездит, а их я всех двоих в лицо помню. Вот и спрашиваю, бабка померла? На похороны?

– А... – нахальность и панибратство, с которым говорила проводница задела Володарова за живое, но он решил, что больше не пойдет на поводу у своего характера, стерпит. – Нет, я по работе.

– По работе? – удивилась женщина. – Это ж по какой такой работе можно ехать в Каменку? Неужто нефть нашли?

– Что? – Володарова удивил столь неожиданный вывод. – Какую нефть? Нет, я их новый участковый.

– Участковый, – повторила за ним проводница. – Участковый, это дело нужное. Но только не в Каменке. Село-то поди уже все повымерло. Ты лучше к нам, на электричку иди. Здесь тебе работы будет во! – она приложила ладонь ребром к горлу. – Что не день, то цирк.

– Извините, ничем помочь не могу, – уклончиво ответил Володаров. – Начальство направило в Каменку, значит там я нужнее.

Он отлично знал, что причина его назначения была совсем в другом. Никакому начальству он в Каменке был не нужен. Просто это самое начальство хотело избавиться от него, сплавить куда подальше от райцентра. Но говорить об этом проводнице Володаров не собирался.

– Ну, удачи тебе тогда, участковый. Смотри только остановку свою не пропусти, она неприметная, – не дождавшись вежливого ответа, проводница отвернулась и двинулась дальше по вагону. Пройдя совсем немного, она остановилась у какого-то пьяного мужика, спавшего на лавке. Недовольно закатив глаза, она набрала воздуха в свою необъятную грудь, и громогласно рявкнула: – Да что ж ты, едрить твою бога душу мать, делаешь?! Ты посмотри, а?! Гадина такая!

Мужик нехотя приподнялся, но сесть так и не смог по причине того, что этила в крови было больше, чем самой крови.

– А ну вставай, давай! – продолжала разоряться проводница. – Думаешь, напился, так все можно? Нарыгал – убирай!

Мужик, все же умудрившись принять вертикальное положение, проямлил что-то нечленораздельное.

– Какой выходить?! Ты у меня никуда не пойдешь, пока пол не вытрешь, зараза! Так, а вы там билетики приготовили...

Володаров не стал дослушивать разгоравшийся скандал. Электричка начала сбавлять ход, а это значило, что пора выдвигаться к выходу. Стащив с багажной полки спортивную сумку, Володаров бросил последний взгляд на кричавшую толстуху и вышел в тамбур.

Запах табака, казавшийся в вагоне просто невыносимым, вышел на новый уровень насыщенности. И даже огромные дыры в полу, через которые было видно мелькавшие снизу шпалы, не справлялись с проветриванием. На какой-то короткий миг Володаров пожалел о том, что бросил курить. Сейчас бы достал папиросу из помятой пачки, закусил и вместо табачной вони как по волшебству приятная горечь «Беломора».

Электричка сбавляла скорость не плавно, а рывками, будто автомобиль на скользкой дороге, боящийся уйти в занос.

Володаров отогнал навязчивые мысли о сигаретах и оперся плечом о стенку тамбура, чтобы при очередном торможении не грохнуться на пол, который, к слову, был измазан чем-то бурым, подозрительно напоминающим кровь.

Лесополоса за окном сменилась еще не засеянными полями, растянувшимися до самого горизонта, а деревья остались где-то справа, тонкой темной полоской разделяя небо и землю.

Электричка затормозила еще раз, колеса жалобно скрипнули, вагоны загрохотали, а затем все стихло. Володаров поймал себя на мысли, что все происходящее слегка напоминает ему затишье перед бурей, когда лес погружается в зловещее молчание перед тем, как первые зигзаги молний разрежут свинцовые облака. Даже далекие отзвуки ругани проводницы с пьяницей прекратились.

В половину девятого утра 15 апреля 1993 года на станции Карьерная вышел всего один человек.

Володаров вдохнул полной грудью свежий прохладный воздух, опустил сумку на еще влажный после ночного дождя бетон перрона и осмотрелся по сторонам. Не считая самой железной дороги и электрички, уже набивавшей ход, вокруг не было ровным счетом ничего. Никаких признаков цивилизации. Лишь маленький бетонный островок в бескрайнем море пожухлой травы.

– Это и к лучшему, – пробормотал Володаров, разминая затекшую в поезде шею. – Подальше от города, подальше от людей... Это к лучшему, Гена. Нервы дороже. Думай об этом, как о курорте. Санаторий Каменка, в котором за отдых еще и доплачивают.

Он посмотрел в след удалявшейся электричке, тайно надеясь, что она вдруг остановится и сдаст назад. Этого, естественно не произошло.

– Санаторий...

Володаров закинул сумку на плечо, затем спрыгнул с перрона и пошел по тонкой тропинке, уходившей вдоль поля за горизонт.

***

Туман подкрался незаметно. После получаса ходьбы по размокшей от ночного дождя дороге Володаров поймал себя на том, что радиус видимости заметно снизился. Еще минуту назад все было в порядке, и вот уже невозможно различить ничего дальше чем за сотню метров. А еще через несколько минут и вовсе приходится смотреть под ноги, чтобы не потерять тропинку. И что самое любопытное, на небе ни единого облачка. Разве бывает такой густой туман в ясную погоду? Бывает ли вообще туман в ясную погоду? Ответов на эти вопросы Володаров не знал. Зато он знал, что до села идти оставалось еще примерно столько же, а учитывая грязь, налипавшую на каблуки ботинок, плохую видимость и одышку (привет «Беломор») этот путь мог растянуться на долго.

Стараясь отвлечься от раздражающей погоды и не менее раздражающего желания продать душу дьяволу за папиросу, Володаров погрузился в раздумья. Возможно, не всем покажется реалистичным сельский участковый, погружающийся в раздумья, но не стоит спешить с выводами. Гена Володаров оказался на низшей ступени милицейской иерархии отнюдь не из-за отсутствия ума. Можно сказать, его спустили с лестницы, и сделали это весьма грубо – пинком под зад. Так обычно происходит, когда тебя окружают звери в человеческом облики. Дикие, озлобленные, они с жадностью хватаются за любую, даже самую маленькую возможность подсесть соперника, откусить от него кусок в момент его самой большой слабости. А когда зверь чувствует опасность, если он вдруг, не приведя господь, решит, что ты позарился на его территорию, сам решил откусить кусок, тебя ждут большие неприятности. Ты оказываешься в чистом поле с килограммами грязи на ботинках, килограммами одежды за спиной и непроглядным туманом, который, чтоб его так, совсем не помогает.

От нервного срыва, к которому с настойчивостью ледокола двигался Володаров, спас удивительный дорожный знак. Сам по себе, вырванный из контекста происходящего, знак был довольно посредственным. Обыкновенный белый треугольник с красным ободком и двумя черными человечками в центре. «Дети» – машинально вспомнил его название Володаров, а вместе с тем и две неудачных попытки сдать на права. Удивительным же было то, что водителей, которых должен был предупреждать этот знак, быть здесь попросту не могло. Как и детей. Белый треугольник с красным ободком и двумя черными человечками в центре был примотан проволокой к бетонной свае, торчавшей прямо из земли, посреди поля, так же удаленного от ближайшей дороги, как и сам Володаров от заветной папиросы. Если не дальше.

– Что за чертовщина? – Володаров решил подойти к знаку поближе, чтобы рассмотреть его как следует, понять, в чем подвох. Тем самым он совершил ошибку, которую многие бы сочли глупой и детской. Но окажись эти люди в подобной ситуации, уверен, они бы поступили так же, если не хуже.

Володаров сошел с едва различимой тропинки и, чвакая грязевыми каблуками, приблизился к бетонной свае. В дымке тумана ее серая шершавая поверхность со следами от лопнувших в процессе застывания бетона пузырьков воздуха походила на испещренную кратерами луну. Не хватало только крошечного посадочного модуля и космонавта, тщетно пытающегося воткнуть флаг.

Володарову эта мысль показалась забавной. Он ухмыльнулся ей, но развивать не стал. Вместо этого он прикоснулся кончиками пальцев к гладкому металлу дорожного знака, будто проверяя реален ли тот, или же это просто плод воображения, раззадоренного туманом. Знак был настоящим и холодным на ощупь. На свае его удерживал провод, продетый через две маленьких дырочки по бокам от черных нарисованных человечков, и скрученный спиралью с противоположенной стороны столба.

– Интересно, и кому ты тут нужен? – спросил Володаров в слух, словно знак мог его услышать и ответить на поставленный вопрос. Его слова поглотил туман едва они покинули рот. – Стоишь один в поле, ворон пугаешь...

Естественно никаких ворон и в помине не было, а если бы и были, то в лучшем случае они бы использовали неуместный бетонный столб как удобную жердочку.

Володаров хмыкнул, пожал плечами и развернулся обратно к тропинке. Той самой, что должна бал привести его к будущему месту работы, той, что размокла от ночного дождя и оседала на ботинках увесистыми комками, именно той, которой больше не было.

Первой мыслью Володарова было: «Это просто туман стал плотнее. Сейчас я пройду пару шагов, и она проявится» Он сделал пару шагов вперед, еще раз осмотрелся, но тропинки по-прежнему видно не было. Тогда Володаров решил, что по всей видимости просто идет не в ту сторону. Нужно просто вернуться к бетонной свае со знаком, чтобы сориентироваться. Но тут его поджидал еще один неприятный сюрприз: дорожный знак «Дети» исчез в том же неизвестном направлении, что и тропинка.

Володаров снова привычно запустил руку в карман в поисках заветной пачки папирос. Он всегда закуривал, когда нервничал. Закуривал...

– Во дела... – он поправил сползшую с плеча сумку. Лямка, как и ткань куртки, покрывалась налетом влаги. Ощущение воды на ладони заставило вспомнить о холоде, и от этого волосы на шее встали дыбом.

Делая широкие шаги, Володаров нервно прошелся по тому месту где, по его мнению, всего две минуты назад была вбита бетонная свая. Не обнаружив никаких следов, даже своих, он снова вернулся туда, откуда начал. А именно в никуда.

Сама по себе ситуация была не так страшна, как могло показаться на первый взгляд (по крайней мере Володаров утешал себя именно так). Ну подумаешь, заблудился в тумане. С кем не бывает? Ничего, сейчас всего девять утра, скоро солнце прогреет хорошенько воздух и туман рассеется.

Он поднял голову, но не увидел ничего, кроме все той же молочной дымки.

– А может и не рассеется...

На всякий случай Володаров решил не сидеть сложа руки в ожидании окончания этого погодного феномена. Приблизительно прикинув, как далеко от того места где он сейчас стоит могли находиться тропинка и знак, он назначил его отправной точкой. Теперь оставалось ходить по кругу, все время увеличивая его радиус. Рано или поздно неопознанный ходячий объект класса «Участковый» должен будет пересечь прямую, соединяющую пункт «А» (Перрон) и «Б» (село Каменка), а школьный курс геометрии с алгеброй, наконец, пригодятся.

Негодились.

Спустя примерно пятнадцать минут безуспешных блужданий в продолжавшем густеть (хотя куда уж больше) тумане, Володаров бросил свою затею. Он остановился, постучал друг о друга ботинками, сбивая налипшую на них грязь, и снова потянулся за папиросой. Уже пятый раз за сегодня. Дурной знак. Так и сорваться не долго.

Как-то незаметно, но уверенно и стремительно обычное утро четверга портилось, из обычной рабочей поездки превращаясь в суший кошмар.

Володаров вытер вспотевшие ладошки о штаны, чем сделал только хуже. Роса, осевшая на одежде, промочила руки, а холодная ткань неприятно прижалась к ногам.

– Ау! – не придумав ничего лучше, выкрикнул Володаров в молоко тумана.

Звук моментально утонул в белизне. Ни ответа, ни эха. Будто кричать в толстый слой ваты.

– Молодец ты, Гена! Просто гений, не иначе, – Володаров бросил сумку на землю и сел сверху. – Ой, а что это за знак такой? – перекидывая он собственные мысли голосом, которым, по его мнению, должны разговаривать крайне глупые люди. – Ой, как интересно. Надо срочно

пойти посмотреть... Теперь даже не знаю, как обратно к железной дороге вернуться. Придется сидеть сиднем и ждать пока туман рассеется.

В ответ на это в его голове тут же проснулся его личный скептик. Этот гад частенько портил ему нервы своими замечаниями, ломающими стройный ход мыслей. И самое обидное, что зачастую он оказывался прав.

– А что, если не рассеется? – ехидно возразил скептик.

– Такого не бывает, – парировал Володаров. – Дождь, снегопад, туман. Это все временные неудобства. Они не навсегда.

– Возможно, но ты знаешь, что я имел в виду не это. Что если ты застрял здесь до ночи? Тогда уже будет не важно, есть туман, или нет. Все равно дорогу не найти.

Хоть Володаров и не любил своего внутреннего скептика, приходилось признать, что в этот раз он снова оказался прав. Как и во многие разы до этого. Это была отвратительная правота, та, которую никогда не хочется слышать, но без которой не обойтись.

– Хорошо, допустим до вечера не развиднеется. Что тогда? Критикуешь – предлагай.

– Все просто, – тут же ответил скептик, – продолжай искать тропинку. Только теперь включи голову и делай по уму.

– По уму я уже делал. Не помогает.

– Ну, так, сделай еще раз, но по-другому.

– Это как?

– Например, ходи не кругами, а квадратами. Сначала сто метров в одну сторону, потом пять поперек, и сто в обратную. И под ноги смотри как следует.

Володарову эта идея показалась дельной, а учитывая, что диалог был исключительно внутренним, то еще и гениальной. Встав на ноги, он закинул сумку за спину, сориентировался как мог по собственным следам и, наметив направление, пошел вперед.

С каждой минутой Володаров все больше убеждался в аномальности погодного явления, испортившего ему день. Кроме исключительной плотности и способности поглощать звуки, туман удивительным образом рассеивал солнечные лучи. Так обычно ведут себя обложные тучи, через которые свет проходит равномерно.

Первые сто шагов Володаров преодолел довольно быстро. Не найдя тропинки, он грустно вздохнул, сделал, как и задумано, пять шагов вправо, затем развернулся и побрел обратно. Ситуация с грязью становилась все хуже. Влага, стоявшая в воздухе, пропитывала землю, разжижала ее. Ботинки хоть и были непромокаемыми, но покрывшись толстым слоем грязи остыли, а вместе с ними и ноги. Это было уже совсем плохо. Нет, Гена не боялся простуды. Как раз ее он переживал довольно легко. Дело в том, что каждый раз, когда его ноги замерзали, а особенно часто это случалось во время сна, если сползало одеяло, его пальцы сводило болезненной судорогой, от которой избавиться было крайне сложно даже лежа спокойно в постели, не говоря уже о чистом поле. Сколько раз он просыпался от тянущей невыносимой боли и мучился почти до самого утра. Сколько занятий в школе милиции проспал...

– Ай-яй-яй! – на третьей сотне шагов заблаговременно проскулил Володаров, почувствовав подкатывающую судорогу. Не дожидаясь пика боли, он бросил сумку на землю, сел на нее и скинув ботинок принялся растирать ступню.

Около пятнадцати минут Володаров потратил на успокоение взбунтовавшегося мизинца. Интенсивное растирание с драматичным закусыванием губы и зажмуриванием от боли принесло свои плоды. Боль постепенно отступила. Но не стоит обманываться. В таком положении достаточно одного неверного движения, и она вернется с новой силой.

Соблюдая ровный ритм дыхания, Володаров медленно отпустил ступню, выпрямился и не глядя попытался нащупать ботинок, чтобы как можно скорее надеть его на многострадальную конечность. Тут его поджидало очередное разочарование – ботинка на земле не было.

Володаров на секунду забыл про ногу (это к лучшему) и озадаченно осмотрелся. Туман по-прежнему окружал его со всех сторон плотной непроглядной стеной, но это сейчас было не важно. А важно было то, что ни при каких обстоятельствах ботинок не мог оказаться там, за границей видимости. Володаров точно помнил, как сбросил его прямо где стоял. Он не швырял его, не пинал, и даже не перекладывал. Отсюда возникает закономерный вопрос: Куда, в таком случае, делся ботинок? Ответа, естественно, Гена не знал.

Еще раз как следует осмотревшись и убедившись, что ботинка нигде нет, Володаров, балансируя на одной ноге, открыл сумку, порылся в ней и нашел на дне пару туфель, которые предусмотрительно взял на случай резкого потепления. Туфли были новыми, но под погоду категорически не подходили. Подумав, что босиком идти не вариант, а простого переобувания будет недостаточно (иначе всю оставшуюся дорогу пальцы на его ноге проведут в состоянии перманентной корчи), Володаров запустил руку в сумку и достал оттуда пару носков с одной туфлей. Напялив на босую ногу дополнительный носок, он с трудом всунул ее в туфлю и тут же пожалел об этом. Лишний носок сделал ступню на размер больше и теперь новая туфля неумолимо жала.

– Ну что за жопа... – Володаров встал и сделал пару пробных шагов. Из-за разницы в толщине подошвы одна нога теперь была немного короче другой. Ощущение странное, если не сказать неприятное. Закинув сумку на плечо Володаров на всякий случай потоптался вокруг того места, где его схватила судорога. Никаких следов ботинка не было. Как сквозь землю провалился. Зато в голову пришла забавная мысль о том, что кто-то найдет не только странный дорожный знак посреди чистого поля, но и одинокий ботинок неподалеку. Вот так загадка...

Володаров улыбнулся, хмыкнул и побрел дальше, решив, что непременно вернется сюда, когда погода наладится. Уж больно жалко было обувку, тем более, что с зарплатой сельского участкового на новую лишние денег не предвидится.

***

Идея ходить челноком туда-сюда провалилась так же, как и предыдущая, с кругами. Ни тропинки, ни знака, ни ботинка. Один сплошной туман с грязью. Раздражающая дымка, казалось, заполнила собой все пространство, оставив Гене небольшой клочок, чтобы он мог идти вперед не спотыкаясь. И на том спасибо.

Володаров потерял счет времени. Он уже не знал, сколько блуждал по бескрайнему полю где-то неподалеку от станции Карьерная, но по внутренним ощущениям было далеко за полдень. А как было бы хорошо, купи он тогда на рынке те электронные часы. Коричневые, новые, целых восемь мелодий и встроенный календарь... С другой стороны, если б он потратил деньги на часы, тогда ему бы точно не хватило на туфли и ковылял бы он сейчас босой. Вот тебе и «нет худа без добра».

Но самым разочаровывающим во всей ситуации была не потеря обуви и даже не крайне маленькая вероятность не выйти к людям, а то, что потеряйся Володаров в серьез, надолго, его пропажу заметили бы ой как не скоро. Ведь дома его уже никто не ждет, разве что тараканы, но они горевать долго не станут. А начальство будет только радо, если этот гадский Геннадий Павлович перестанет мельтешить перед глазами и сгинет в неизвестном направлении.

«Выходит, остался ты один на один с миром, Гена» – грустно подумал Володаров, а потом вслух не менее грустно добавил: – Один на один...

И как только он это произнес, как только слова, вылетев изо рта, утонули в клубящейся дымке, впереди как по волшебству показался силуэт. Он был мал, едва заметен и его с легкостью можно было бы списать на игру воображения. Но Володаров не списал. Несмотря на то, что он был уставшим, замерзшим и голодным (с самого утра ни крошки во рту) своим глазам он по-прежнему доверял на все сто. И его глаза говорили ему, что впереди кто-то сидит. Пока было не ясно женщина это или мужчина, старик или юноша, но Володаров был преисполнен решимости выяснить.

Он подошел к силуэту поближе, и сказал громко, четко, как говорят хорошие милиционеры: – Добрый день.

Силуэт не ответил. Даже не шелохнулся.

Тогда Володаров подковылял еще ближе и повторил приветствие. Снова ничего. В груди потяжелело от мысли, что это не человек вовсе, а какая-то старая бочка, накрытая тряпьем. Кому она понадобилась в чистом поле? Да тому же, кто поставил знак «Дети».

Собравшись с духом и приготовившись разочаровываться, Володаров подошел совсем близко, настолько, что некоторые люди посчитали бы подобный жест актом посягательства на личное пространство.

Теперь сельского участкового и загадочный силуэт в тумане разделяло не больше полуметра. Такого расстояния хватило, чтобы развеять все сомнения. Это был человек. Старик. С виду древний как сама земля он сгорбившись сидел на трухлявом пне и смотрел куда-то вперед. Его темно-серые длинные волосы давно не выдавшие мыла свисали слипшимися прядями вдоль острых скул и впалых щек, постепенно теряясь в густой бороде, сливаясь с ней.

– Здравсьте, – забыв про милицейский тон промямлил Володаров. Внешний вид старика каким-то непостижимым образом заставил его почувствовать себя мальчишкой, который заблудился в незнакомом городе и пытается спросить дорогу у встречного прохожего.

В ответ последовало едва слышное не то мычание, не то скрип. Маленькие карие глазки медленно сфокусировались на происходящем и уставились на Гену.

– Извините за беспокойство, – Володаров внутренне сам себя пнул за такую глупость, – вы не подскажете, как пройти до Каменки?

Старик продолжал смотреть.

– ...Просто я не здешний. В ваших местах плохо ориентируюсь. А тут еще этот туман... – он переступил с ноги на ногу, – Заблудился в чистом поле. Представляете?

Володаров выдавил из себя смешок, который получился натянутым и нервным.

Старик снова издал странный скрипящий звук, поежился и замер, будто ожидая чего-то.

– Вы меня слышите? – Володаров решил проверить не глухой ли старик. Судя по внешнему виду, он вполне мог таковым оказаться. В селах от недостатка медицины любой отит грозил лишить слуха. А Володарову хватало стоять в разной обуви, потерявшись в чистом поле. Если бы в придачу к этому оказалось, что он пытался спросить дороги у глухого, сгорел бы от стыда на месте.

На вопрос старик не ответил, но и глухим не казался. По всему было видно, что он слышит Гену, но по какой-то причине либо не хочет, либо не может ответить. Лишь смотрит пристально да поскрипывает, как ножка старого стула.

Володаров озадаченно выдохнул. Сейчас в его голове вертелось слишком много мыслей из которых полезных было от силы пара. Оставалось только выловить их из вороха сомнений с сожалениями. А это для уставшего мозга участкового казалось практически невыполнимой задачей.

– Ну и что же мне теперь с тобой делать? – он устало сбросил сумку на землю (в который раз за сегодня) и уселся на нее, оказавшись лицом к лицу со стариком. – Ждать, пока домой соберешься? Плестись сзади, надеясь, что ты в Каменке живешь? Ну а где тебе еще жить? Конечно в Каменке. Тут других сел поблизости и нет, насколько я знаю... А может ты вообще на железную дорогу шел? Присел отдохнуть чуток и тут я, как черт из табакерки. Тогда ты меня не к селу, а к перрону выведешь. Так не годится. Я ж уеду к чертовой матери домой и с концами. Нет, работать надо. Слышь, дед? – он нагнулся вперед так, что кончик крючковатого, похожего на сухой сучок, носа старика чуть не коснулся его собственного. – Я говорю, Каменка в какую сторону? КА-МЕН-КА, – на всякий случай четко выговаривая повторил он.

Вдруг старик скрипнул громче обычного. Его рука очень медленно, будто он был не человеком, а хорошо замаскированным ленивцем, поднялась и узловатый палец показал куда-то

в сторону. При этом сам старик даже не шелохнулся, отчего складывалось ощущение, что он просто бутафория, призванная скрыть подъемный механизм руки – указателя.

Увидев движения Володаров сперва замер, неуверенный, как на него реагировать, а после, как и положено, удивился: – Да ладно?!

Он вскочил на ноги и посмотрел в сторону, куда показывал старик. Естественно, кроме тумана там ничего не было.

– КАМЕНКА? – теперь с надеждой в голосе повторил Володаров.

Старик едва заметно кивнул.

Забыв про все на свете, Володаров схватил сумку, закинул ее за спину и почти бегом поковылял в туман. Но через пару секунд остановился и вернулся к старику.

– Спасибо, дед! – он попытался пожать ему руку, но увидев, что та все еще указывает пальцем в пустоту, неловко пожал палец. – Буду должен!

***

Сохранять направление в условиях практически нулевой видимости крайне сложно. Недаром у пилотов самолетов для таких случаев существует целая армия приборов, призванных помочь им в этом. Но даже с этой армией только самые опытные летчики способны вернуть экипаж на землю одним куском.

У Володарова никаких приборов не было. Только руки, крепко сжимающие лямку спортивной сумки, ноги, от усталости гудящие как трансформаторная будка, и мозг, преисполненный верой в то, что глуховатый старик не обманул. Вооружившись ими, он бодро шагал вперед, надеясь с минуты на минуту увидеть хоть что-то отличающееся от тумана и земли. Шагал, и шагал, и шагал...

Дерево!

Увидев размытый туманом знакомый силуэт Володаров замер, а сердце в его груди забилося чаще. Это яблоня? Вишня? Он точно определить не мог, но был абсолютно уверен, что это что-то плодоносящее. Казалось бы, бесполезная в таком случае информация, но нет. Ход мысли Володарова был прост и логичен. Раз дерево плодовое, значит в разделительной лесополосе между полями его быть не может, ведь там обычно сажают деревья высокие, хорошо защищающие от ветра (ну по крайней мере есть такая надежда). А где оно может быть в таком случае? Правильно, там, где живут люди. Ведь какой толк от вкусных яблок в чистом поле? Никакого.

Приняв свои умозаключения (за неимением других) как истину, Володаров пошел к дереву, надеясь увидеть поблизости хоть какие-то следы цивилизации. В идеале это должна была быть тропинка, но в сложившейся ситуации подошло бы что угодно, подтверждающее, что на этой планете остался не только туман.

Результат превзошел все ожидания. Дерево было не только плодовым, но и окрашенным. Его ствол на пол метра от земли был ярко белым. Это говорило сразу о двух вещах: первое – хозяин дерева хорошо за ним ухаживает, и второе – он был здесь относительно недавно, потому, как побелка выглядела свежей.

Володаров пощупал дерево, привычно проверяя его реальность, а затем огляделся по сторонам. Туман терял свою аномальную плотность. Не то, чтобы это происходило быстро. Для незнакомого с ситуацией человека он казался бы таким же, как раньше. Но Володаров уже достаточно долго жил «по приборам», чтобы заметить перемены. И эти перемены позволили ему разглядеть едва различимый огонек, фантом, колеблющееся пятно, когда-то давно бывшее светом. Подобно мотыльку безлунной ночью, он не задумываясь пошел на свет.

Расстояние до путеводного огонька определить на глаз было сложно, если не сказать невозможно. Удивительная способность тумана рассеивать любые источники света сыграла и здесь. Но Володарову было уже плевать. Впервые с тех пор, как он вышел из вагона элек-

трички, он отчетливо видел цель. Она, конечно, была маленькой, скромной. Не какое-то грандиозное достижение в жизни, всего лишь небольшое размытое пятнышко где-то вдалеке. Но этого было достаточно, чтобы уверенно идти вперед. Ведь что еще нужно человеку, потерявшему ориентир? Ему нужен новый.

Быстро шагая вперед, Володаров неотрывно пялился на мутное светлое пятно, плавающее в океане молока. Постепенно, по мере приближения, оно становилось все четче, приобретаемая реальность, ограничивая себя четкими очертаниями. До боли знакомыми очертаниями. Это было обычное деревянное окно, завешенное легкими белыми шторками, проникая через которые, свет от лампы накаливания казался мягче и теплее.

Обрадовавшись увиденному Володаров прибавил ходу. Он хотел как можно скорее попасть туда, за белые шторки, окунуться в уют человеческого жилища, навсегда забыв про эту проклятую сырость тумана. Хотел так сильно, что словно маленький ребенок забыл житейскую мудрость, которой учила в детстве его мать – всегда смотри под ноги.

Не заметив выскочивший из тумана слегка покосившийся от времени штакетник Володаров на полном ходу влетел в него, потеряв равновесие, кувыркнулся через голову и, не успев опомниться, обнаружил себя сидящим задницей на земле. Неожиданное падение застало его врасплох. Володаров не успел сгруппироваться, отчего при ударе в его животе что-то дернулось и ёкнуло. Ощущение было не из приятных. К тому же одна из досок штакетника, не выдержав влетевшего в нее участкового, оторвалась и падая стукнула его по затылку.

«Ну и ну, – подумал Володаров, вставая на ноги. – Сейчас криков будет...» Он рассчитывал, что на звуки ломающейся древесины выбежит обеспокоенный хозяин дома, выяснить, что происходит у него во дворе. Но ничего подобного не произошло. Хозяин не выбежал и более того даже не выглянул в то самое окно. На улице по-прежнему было жутковато тихо.

Володаров невольно вспомнил случай, который случился с ним в прошлом году, в райцентре. Жильцы одной из девятиэтажек на окраине пожаловались на то, что из соседней квартиры пахнет тухлятиной, а дверь никто не открывает. Они думали, что старушка просто оглохла окончательно и не слышит, как ей в двери звонят. А оказалось, что она еще неделю назад померла и все это время соседи ни о чем не подозревали, ведь в квартире горел свет и работало радио.

Глядя на светящееся теплым желтоватым светом окошко Володаров подумал, что по ту сторону шторок вполне вероятно может лежать похожая старушка (или старик). Одинокая, забытая внуками, она спокойно доживала свое в селе, пока в один прекрасный день незадачливый милиционер не перецепился через ее забор. Отвыкшая от резкого шума она перепугалась, уставшее сердечко не выдержало и стало.

Мысль была мрачной. Можно даже сказать чересчур. Володаров отогнал ее куда-то на задний план, в дальний уголок, чтобы ночью она всплыла сама собой и не давала уснуть до раннего утра. Обычно Володарову были не свойственны подобные темные умозаключения. Когда по долгу службы постоянно сталкиваешься с ранами и мертвецами лучше стараться думать позитивно, иначе и спать не долго. Но после аварии Гена начал периодически ловить себя на таких вот мыслишках. В этот раз он списал все на туман, хоть и знал, что он тут не при чем.

Дом на вид был примерно таким, каким его можно представить, услышав слово село. Один этаж, двускатная крыша, укрытая потемневшим от старости шифером. Стены обиты досками, окрашенными насыщенной темно-зеленой краской. Она тоже не новая, это можно сказать по грязи и пятнам, оставшимся от дождевой воды, годами стекавшей вдоль щелей. Окна выгодно выделяются на фоне всего остального белыми рамами, по всей видимости освеженными теми же белилами, что и плодородное дерево неподалеку.

Володаров подошел поближе, потирая саднящий живот. Сперва он хотел просто постучать в дверь, но тут же передумал. Мысль о мертвой старушке (или старике) все еще витала где-

то рядом, и он слегка побаивался, что его больная фантазия на этот раз окажется права. Это был иррациональный страх, а значит бороться с ним предполагается иррациональными действиями. Поэтому Володаров сперва встал на цыпочки и попытался заглянуть в окно, но шторы полностью загораживали вид. Тогда он тихонько, чтобы лишний раз никого не пугать постучал по стеклу и тут же отошел от него, осознав, насколько глупо сейчас выглядит.

«Ну что за ерунда, Гена? – подумал он, шагая к двери. – Взрослый мужик, а всякой фигней занимаешься. Была бы там пугливая старушка, то не от шума ломающегося забора, так от зловещего стука в окно точно померла б. Ну и дела... Совсем непогода голову задурила. Теперь придется объясняться, извиняться...»

Он хмыкнул, прочищая горло, и постучал в дверь. К слову, она тоже была далеко не новой. Краски на дереве совсем не осталось, а сами доски выглядели трухлявыми и ненадежными. Хотя на самом деле были куда крепче чем кажется.

Хозяева дома, по-видимому, отчаянно игнорировали все, что происходило снаружи. К такому выводу пришел Володаров, не получив ответа на стук. «Удивительное дело, забор рушится, в окно стучат, в двери тоже, а им хоть бы хны. Может и правда чего случилось?» Он постучал еще раз, настойчивее и громче.

– Эй! Есть кто дома?

Володаров на мгновение задержал дыхание, вслушиваясь в тишину. Ему во что бы то ни стало хотелось услышать бодрые, гулкие шаги. Это бы помогло избавиться от навязчивой мысли про мертвую старушку. Но шагов не было. По крайней мере бодрых уж точно. Но и совсем тишины, которую обычно издают мертвецы – тоже. На долю секунды Володарову почудилось, будто за дверью кто-то крадется. Словно затаившегося по ту сторону старых досок хозяина дома выдавало едва различимое шуршание одежды. Шуршание, которое не слышалось, но, почему-то ощущалось.

Володаров прильнул к двери, прижался к ней ухом. На секунду он полностью превратился в слух.

– Кто?! – вдруг спросили из-за двери. Голос был басовитый, глубокий. Создавалось впечатление, что его владелец очень большой, грузный человек.

От неожиданности Володаров вздрогнул и не задумываясь ответил: – Я.

Дверь скрипнула, приоткрылась немного и в образовавшуюся щель высунулось дуло двустволки.

– Ух ты ж ёб... – Володаров испуганно отпрянул, прикрыв лицо рукой. – Не стреляй, свои!

– Свои в туман дома сидят, – в дверном проеме показался владелец голоса и ружья. Это был невысокий, полноватый мужичок с короткими, черными волосами и густой щетиной с проседью. – Ты кто такой? И откуда здесь взялся?

– Ружье убери, – Володаров выпрямился, но все еще выглядел напряженным. Оно и не удивительно. Не каждый день приходится быть на прицеле.

Мужичок окинул взглядом незваного гостя, а затем медленно опустил двустволку.

– Володаров Геннадий Павлович, – в привычной полувоенной манере представился Володаров, – ваш новый участковый.

– Вот как? – мужичок окончательно опустил ружье, упер его в пол и оперся на него, как на трость. – И документы сможешь показать?

– Конечно.

Володаров достал из-за пазухи «корочку» раскрыл ее и сунул мужичку. Тот прищурился, всматриваясь в маленькие буквы с черно-белой фотографией.

– Ну что ж, – убедившись, что перед ним стоит именно милиционер, мужичок явно повеселел и протянул руку для рукопожатия, – в таком случае добро пожаловать в Каменку.

2 Дом

– Ты проходи, не стесняйся. Вон туда, на кухню...

Володаров, послушно следуя указаниям хозяина дома, прошел по небольшому тесному коридорчику, повернул налево и оказался в помещении, которое мужичок самонадеянно назвал кухней. На деле же это было некое подобие мастерской, в которую по чистой случайности затесались печка, умывальник и обеденный стол.

Закрыв входную дверь, хозяин, не выпуская из рук ружья, пошел следом за Володаровым.

– Ого, – протянул он, войдя на кухню, – ты чего, с войны к нам?

– Что? – не понял Гена.

– Ты себя-то видел?

И тут Володаров осознал, насколько странным может он сейчас выглядеть для не знающего сути дела человека. Потрепанный, уставший, на одной ноге ботинок, а на другой – туфля. А грязи-то сколько? Матерь божья... И не только на каблуках. Она везде. На штанах от долгой ходьбы (тут уж никуда не денешься), на заднице от падения через забор, на спине (сидеть на сумке, а потом вешать ее на себя – плохая идея).

– Ах, это... – он замялся, будто снова стал ребенком, и мать сейчас будет отчитывать за испачканные новые штаны. – Это долгая история.

– Обожаю долгие истории, – мужичок жестом показал на табурет, стоявший у стола, а сам открыл один из шкафчиков и достал оттуда бутылку с двумя стаканами. – Все равно спешить сейчас некуда. Пустой день...

– А не рановато ли пить? – Володаров сел за стол. Он не собирался надолго засиживаться. Ему, как-никак, нужно было встретиться с сельским головой, познакомиться, узнать, что к чему. Но прежде стоило перевести дыхание и немного прийти в себя.

Мужичок посмотрел куда-то вверх и в бок, пожал плечами и одним отточенным движением пальца открыл пробку.

– Вроде в самый раз, – он налил по сто грамм, затем выудил из рукомойника стеклянную литровую банку, наполовину наполненную бычками, и поставил рядом.

Сперва, Володаров подумал, что мужичок сверился со своими внутренними ощущениями, но после заметил висящие над дверным косяком часы и с удивлением обнаружил, что те показывают время, которого быть в принципе не могло. А именно – половину седьмого.

– А они правильно идут? – спросил он у хозяина и показал пальцем на часы, надеясь услышать «нет».

– Ага, – мужичок уже вскрывал неизвестно откуда взявшуюся вторую литровую банку, но в ней были не бычки, а засоленные помидоры. – По крайней мере, с утра шли правильно.

– Такого не может быть...

– Отчего же не может? Часы хорошие, от отца остались. Не спешат, не отстают. Если не трясти и вовремя заводить, то...

– Да я не об этом, – он говорил сбивчиво, рассеяно. Его мысли разрывались между осознанием того, что он целый день потратил на блуждания в тумане, и тем, как ему следует поступить сейчас.

– А о чем? – мужичок не без проблем выковырял из банки вилкой помидор, протянул его Володарову, а затем повторил операцию для себя.

– Просто я из электрички вышел еще утром. Выходит, я весь день... – он машинально принял вилку и задумчиво повертел ее в руке.

– Ну что, за знакомство? – мужичок поднял стакан.

– Ага, – ничего не понимая, Володаров тоже поднял стакан и уже хотел было выпить, но остановился. – Стой, какое знакомство? Куда пить? У меня дел по горло. С администрацией вашей нужно поговорить, отчитаться, принять жилье, рабочее помещение...

– Тихо, тихо, – остановил его мужичок, – не мороси. Говорю, сегодня пустой день. Туман. Все по домам сидят. Голова сельский только завтра будет и то, если повезет. С жильем в Каменке все просто. Пустых домов вагон, бери да живи. С рабочим помещением может быть накладка, но это тоже вопрос решаемый. Вот только не сегодня. Так что давай, – он снова приподнял стакан, – за знакомство?

Володаров тяжело вздохнул, сумка медленно сползла с его плеча на пол, и в этот самый момент он осознал, насколько сильно устал. Не мудрено, если часы не врут (а судя по всему так и есть) то выходит, он провел на ногах целый день. Еще этот холод, сырость, судорога...

– Ладно, – сдавшись, он махнул рукой, – только знать бы еще с кем знакомлюсь.

– Точно! – мужичок постучал себя вилкой по лбу. – Дурья моя башка. Совсем забывать все стал на старости лет. Меня Валерой зовут. Но для протокола я Валерий Молчан, местный ветеринар и по совместительству сельский голова.

Он коротко и хрипло хохотнул, а затем буквально вплеснул содержимое стакана себе в рот.

«Во дела, – подумал Володаров, наблюдая за тем, как в человеке, представившемся сельским головой, бесследно исчезает алкоголь. – Порядка с таким не жди».

Пить совсем не хотелось. Хотелось отдыха, спокойствия и тишины. Санаторий Каменка приготовил Володарову «теплый прием» после которого не то, что за знакомство, даже за упокой рука не поднимется. От усталости, естественно. Но ситуация, как ей и подобает, требовала уважить хозяина. Ведь кроме него километров на двадцать, а то и больше, ни одной знакомой души.

Прозрачная жидкость, которую Володаров по наивности урожденного городского жителя принял за водку, жидким огнем обожгла горло, оставив во рту непередаваемый вкус чего-то химического и едкого.

Увидев, как гость зажмурился, Валера еще раз хохотнул, принял у него стакан и налил в него еще.

– Что, в райцентре таким не угощают?

– У-ух! – Володаров похлопал себя по макушке. – Что это?!

– Мой, родненький, на ореховых перепоночках. Ты это, давай закусывай. А не то помрешь, как наш прошлый участковый, – в этот раз Молчан открыто рассмеялся. Его смех был глубоким, присвистывающим и жутко заразительным. Таким, каким обычно могут смеяться только толстяки.

Володаров поспешно закусил адское зелье соленым помидором. Не помогло. Привкус химии никуда не делся, а рассол только эффектно его подчеркнул.

– Нет, это не дело, Валерий... как вас по отчеству?

– Просто Валера.

– Травить участковых – плохо, Валера. Это уголовная статья, между прочим.

– Ай! – Молчан махнул рукой. – Для сугреву – святое дело. Чай не мальчик, переживешь. Так и какими же судьбами тебя в наш Усть-Пердуйск занесло, участковый?

– Как это, какими? – удивился вопросу Володаров. – Работать у вас теперь буду, порядок охранять.

– Порядок охранять? – на этот раз удивился Молчан. – Дык чего его охранять, когда никакого порядка в Каменке отродясь не было?

– Ну, вот и наведу. И вообще, откуда такие вопросы? Вам же должны были позвонить, поставить в известность, что я приеду.

– Позвонить... – Молчан фыркнул так, будто Володаров сказал какую-то детскую глупость. – Телефонную линию еще четыре года назад грозой повалило.

– Так что ж вы так и сидите без телефона?

– Так и сидим.

– Ну, тогда письмо. Почта же у вас ходит?

– Почта у нас не ходит. Она ездит. На велосипеде, – Молчан выпил еще и жадно вгрызся в помидор. Тонкая струйка сока брызнула из его рта и оставила на грязном столе новый след. – Но от этого ни холодно, ни жарко. Из Шпака почтальон как из гомна пуля.

– Выходит, о моем приезде вас не уведомляли?

– Нет. Скажу больше, я бы удивился, если бы уведомили. Я и сейчас удивлен. На кой кому-то сдался участковый в Каменке? Тут людей то уже почти не осталось.

Володаров хотел было ответить на этот вопрос, рассказать печальные подробности своего назначения, но к собственному удивлению обнаружил, что не может их вспомнить. Будто вместо памяти о событии остался только краткий пересказ, замутненный алкоголем. Не сама картинка, а грубый эскиз, набросок.

– Крепкая у вас, Валера, самогонка, – промямлил Володаров, чувствуя, как по телу разливается тепло.

– Что есть, то есть. Градусов шестьдесят, не меньше. Что, пробрало?

– Ага...

– Ну, ничего. Тебе полезно нервы расслабить. Весь день в тумане проболтаться, это не шутки.

– Да что вы все с этим туманом заладили? Местное суеверие или что?

Молчан многозначительно посмотрел на Володарова, затем достал из нагрудного кармана старой рубашки самокрутку и закурил. Кухня тут же наполнилась едким дымом. Запах Володарову был до боли знаком – дешевый табак, но в нем присутствовала какая-то посторонняя нотка.

– Нет, Геннадий Павлович, не суеверие. Суеверие, это неверное толкование правил. В Каменке народ жизнью научен и правила эти на зубок знает.

– Какие правила? – дым самокрутки, солоноватый запах рассола и самогонка, дурманили голову, а тепло кухни наливалось веки свинцом.

– Такие, без которых в здешних местах только горя хлебнешь. И первое правило – в туман сиди дома, целее будешь.

Последние слова Молчан произнес с особенным нажимом.

– Какая ерунда, – заявил Володаров, потянувшись к несуществующей пачке папирос в кармане ветровки. Вовремя опомнившись, он, стараясь не подать виду, сделал странный жест рукой, перенаправляя ее в сторону бутылки с самогоном. – Суеверие в чистом виде. Или вы хотите сказать, что в здешних туманах дикие звери ходят?

– Не звери, – поправил его Молчан, а после добавил, – Но и не люди.

– Точно суеверие, – Володаров выпил, вздрогнул, зажмурившись, и спешно закусил. – Никто в вашем тумане не бродит. Нечего его бояться. И я тому живое доказательство. С самого утра в нем ходил, но все равно целехонек. Разве что ботинок потерял.

– И что, ничего странного не видел за весь день? – заметив, как гость косится на самокрутку, Молчан извлек из кармана еще одну и протянул ее Володарову. Тот, по всей видимости совсем захмелев, без задней мысли принял ее и закулив жадно втянул дым.

– Видел странное. Не без этого. Знак у вас дорожный посреди поля стоит. Такой, треугольный, с детьми.

– А, это... Это ерунда. Его наши сами там поставили, чтоб зимой, когда снегом все засыплет, дорогу от электрички искать легче было. Сперва хотели просто палку какую воткнуть,

с тряпкой. А потом Шпак приволок знак дорожный. Украл где-то зараза, а сам сказал, что нашел. Вот и приспособили.

– И что же, хозяева поля не против?

– Баба Зина? Нет, конечно. Она на том поле уже лет сто как не работала. С тех пор как муж ее, Толька, помер, она там коров пасет. Ей от знака никакой разницы. Вроде как даже удобство есть. Она к нему скотину привязывает, чтоб не разбредалась.

– Ну, тогда и странностей в тумане вашем тоже никаких не было, – язык Володарова под давлением алкоголя начинал заплетаться, так что слова выходили нечетко. – Надо только будет не забыть завтра вернуться на поле и ботинок свой найти. Жалко, совсем новый был. Почти.

– Найдем твой ботинок, Геннадий Павлович. Дело житейское. Ты мне лучше скажи, как ты к селу умудрился выйти? Да еще и к моему дому. Чай пол Каменки крюком обогнул.

– А, так это мне дед глухой дорогу показал.

– Какой такой дед? – удивился Молчан, ведь он точно знал, что ни один здравомыслящий житель Каменки в туман на поля не попрется.

– Ну, такой... Волосы – во! Борода – во! – не в силах поймать разбежавшиеся по углам мозга слова, Володаров показывал на себе, активно жестикулируя руками. – Сам горбатый, нос крючком. Сидел на пенке и кряхтел тихонько.

Услышав знакомое описание, Молчан заметно напрягся.

– А одет во что дед был, не вспомнишь?

– Дед одет. Одет дед, – Володарову понравилась игра слов, и он глупо улыбнулся. – Помню, во что дед был одет. Хах. Мешок – не мешок. Тряпье какое-то старое.

– Везучий ты человек, Геннадий Павлович.

– Это почему это?

– Потому, что не живет в Каменке глухих и волосатых.

– Совсем?

– Совсем.

– Тогда кто же это был?

– Лучше не знать, – пожал плечами Молчан. – Но ботинок свой ты уже вряд ли найдешь.

– Думаете, тот дед спер?

– Думаю, что ты нашего местного лесовика повстречал. Еще думаю, что он в хорошем настроении был, раз дорогу показал. Обычно он только вредить горазд. Завел бы тебя в лес, и поди потом сыщи участкового.

– Да ну, что вы такое говорите? Какой еще лесовик? Сказки какие-то, – Володаров фыркнул, потянулся к бутылке, но вовремя себя остановил. На сегодня и так достаточно приключений. Не хватало еще завтра весь день болеть.

– Может кому лесовик и сказки, а в Каменке это обычное дело. Особенно в пустой день. Лесовик еще не самый вредный, на кого можно в тумане наткнуться. Вон, у Никитина в восемьдесят девятом жена на карьере купалась, когда туман налетел. Так ее к вечеру на погосте нашли. Вся мертвая была, и выпотрошенная. Будто зверь какой дикий ее поел.

– Да ладно? – Володаров приподнялся на табурете.

– Ага. Живот вспорот, а требуха по могилам соседним развешена. Жуткое зрелище.

– И что же, поймали его?

– Кого? – не понял Молчан.

– Ну, убийцу жены.

– Дык, а кого ловить? Говорю же, нечистая сила ее умертвила. Злые духи в тумане.

– Значит никто даже не искал? А вы мужа ее, Никитина этого, спрашивали? Может это он ее...

– Та не. Он не мог. Хороший мужик, я ведь знаю. Он ее даже пальцем никогда не трогал. Бывало, напьются, поорут друг на дружку, чтоб пар выпустить, и мирятся потом. Но это другое, житейское.

– Ну, вот вам и суеверия. Напился ваш Никитин, с женой поссорился, а она от него в карьер сбежала. Он ее там со злости пришиб, и чтоб всех запутать на кладбище притащил.

– А требуха? Ее он тоже со злости развешал? Или из хитрости? Ты, Геннадий Павлович, поди ни разу в жизни скотину не забивал, чтоб такое на людей думать.

– Ну не обязательно. Внутренности жена могла и от животного потерять. Места у вас здесь глухие. Может, какая дичь учуяла ее и надъела. А со стороны все теперь кажется проделками темных сил. Я, конечно, не утверждаю, что все было именно так. Просто хочу сказать, что, если я с лету объяснение нашел, не прибегая к потустороннему, значит, оно все же есть. Нужно только разобраться в деле.

– Не прав ты, участковый. И скоро это поймешь. Со своей колокольни тебе кажется все виднее, но в Каменке особая жизнь. У нее нет объяснения. К ней можно только привыкнуть, приспособиться, или уехать куда подальше, как большинство и сделало.

– Может быть и так, – Володарова совсем разморило после тяжелого дня. – А может, и нет. Вы мне скажите лучше, как мне с жильем быть?

– Как, как? Каком к верху. Сегодня у меня переночуешь. На диване тебе постелю. А завтра с утра поглядим, что с тобой делать. Утром оно всяко мудренее.

Пока Молчан приспособливал старый, скрипучий диван-кровать, Володаров обдумывал события дня, пытаясь прийти к какому-то очень важному умозаключению. Правда к какому именно, он точно сказать не мог, возможно потому, что думать о нескольких вещах одновременно, да еще и пьяным так себе затея, но сам процесс увлек его до такой степени, что не успел он опомниться, как оказался в горизонтальном положении и быстро уснул.

***

Куда ты так летишь?.. Нет, не прекращу... Замолчи!.. Гена!

***

Володаров проснулся достаточно резко, чтобы пожалеть об этом. Кошмар растаял мгновенно, не оставив ни следа и его место заняло похмелье. Оно ворвалось в разум грубо, как дикий зверь врывается в палатку к туристам. А что обычно остается после подобных инцидентов? Ошметки, беспорядочно разбросанные вокруг лагеря. Именно так себя сейчас чувствовал Володаров. Ошметками, разбросанными вокруг вчерашнего себя. Голова раскалывается, мышца на ноге после вчерашней судороги ноет, в горле першит от чересчур крепкой самогонки, в желудке полный бардак от нее же. Одним словом – провести весь день на ногах, а потом пить на голодный желудок, закусывая одним жалким помидором было очень плохой идеей.

Сев на край дивана, Володаров осмотрелся. Он плохо помнил большую часть вечера, только смутные обрывки разговора о том, что в Каменке много суеверий и нет телефона. А потому интерьер комнаты, в которой он ночевал, оказался для него новостью. Хорошей новостью. Не такой, в которой диктор с серьезным и очень озабоченным видом рассказывает, как в селе Каменка был пойман серийный убийца, заманивавший в свой дом невинных участников, и стрелявший в них из двустволки, пока те спят. Это больше походило на позитивный репортаж про провинциального гения-самоучку, живущего в плохих условиях, но не теряющего присутствие духа.

Комната, в которой провел беспокойную ночь Володаров, находилась прямо напротив кухни. Но в отличие от нее, совершенно не походила на сарай. Здесь было чисто и светло. Солнце уже встало и свет, проникая через небольшие окошки, отражался от побеленных

от пола и до самого потолка стен, создавая иллюзию просторности. Мебели в комнате было не много. Только диван, пара стареньких стульев с резными спинками, и тяжелый на вид шкаф, забитый книгами.

Володаров поднялся и подошел к шкафу, чтобы рассмотреть его содержимое. Ему хотелось немного больше узнать о Валерии Молчане, но спрашивать в открытую он пока не хотел. А библиотека человека, как-никак, отражение его души. После недолгого изучения Володаров пришел к выводу, что голова Каменки (если он им действительно является) очень разносторонняя и любопытная личность. Большая часть книг была посвящена различным вопросам, связанным с ветеринарией, что само по себе логично, но остальные же оказались весьма разношерстными. Складывалось впечатление, что Молчану было попросту все равно, что читать. На одной полке могли соседствовать огородный справочник и «Мастер и Маргарита», руководство по эксплуатации ВАЗ 2101 и учебник анатомии.

Не заметив в расстановке книг никакой закономерности, как и порядка в целом, Володаров громко прокашлялся, пожалев о том, что вчера вечером сорвался и закурил. Два месяца насмарку. Он попробовал утешить себя тем, что это единичный случай, с каждым может случиться, но это не помогло. Внутренний скептик моментально включился в дело, заявив, что обычно сельской мужик – курящий мужик, а значит искушений и поводов каждый день будет хоть отбавляй. В таких условиях ни о каком единичном случае и речи быть не может. Совсем скоро этот единичный станет двоичным, троичным, а там и до постоянства не далеко.

– С добрым утром, – раздался голос Молчана.

Володаров невольно вздрогнул. Он часто, задумываясь, уходил в себя, забывая о внешнем мире, и когда его туда с силой возвращали, вздрагивал, напрягался будто шланг, в который резко подали воду.

– Ага, – ответил он, повернувшись к двери.

– Почитать себе ищешь? – Молчан показал пальцем на шкаф.

– Да нет, так, любопытствую. А откуда у вас столько разных книг, если не секрет?

– Нет, Геннадий Павлович. У меня от родной милиции секретов нет. Украл я их, – он замер на секунду, наслаждаясь меняющимся выражением лица Володарова, а затем раскатисто рассмеялся. – Да ты не напрягайся понапрасну. Это я так, для громкого словца. Из библиотеки школьной себе забрал на передержку. Школа-то у нас еще в... – он задумался, – дай бог памяти, в семьдесят седьмом закрылась. Ага, точно. В семьдесят седьмом. Ровно через год после того, как село бесперспективным признали. Ну, поначалу здание просто закрыли. Законсервировали, так сказать. А потом забыли, что оно вообще было. Так и стояло порожняком года три – четыре, гнило, пока Никитин там Лешку Сирого с дружкой не поймал. Молодежь на водку воровала понемногу. В основном металл тащили, проводку из стен выдирали, да все, что к полу не прибито. Ну им Никитин тогда нагоняй устроил... А я, как узнал, так решил сам посмотреть, чего они там устроили. Угадай, что?

– Что? – как и положено переспросил Володаров.

– Ни одной книги из библиотеки не сперли. Двери, конечно, взломали, но книжки не тронули. Водка, наверное, им интересней была... Вот я себе часть и решил забрать. Для сохранности. Нет, ну а чего? Хуже никому не стало. Про них все равно никто не вспоминал. А я почиываю, просвещаюсь, – Молчан широко улыбнулся, показав желтые от старости и никотина зубы. – Ну ладно, заговорил ты меня совсем, Геннадий Павлович. Язык у тебя без костей. Я чего пришел? Там завтрак готов уже минут десять как. Поди остыло все давно. Жрать пошли.

От слов о еде у Володарова мгновенно потекли слюнки, а в животе предательски заурчало. После вчерашней совершенно неожиданной и не менее скоропостижной пьянки все еще слегка подташнивало, но он готов был пойти на риск – плотно позавтракать.

Плотно не вышло. Яичница из пары яиц, все те же соленые помидоры и стакан молока, это все, на что хватило Молчана. Но Володаров был благодарен даже за это. В наше время обмана,

грязи и жестокости сложно вообще поверить в существование такого человека, как Валерий Молчан, смешливого мужичка, который с легкостью пускает в дом незнакомца, оставляет его у себя на ночь, а потом еще и завтраком кормит.

– Спасибо, очень вкусно, – Володаров говорил с набитым ртом, тщательно пережевывая помидор и стараясь не обращать внимания на легкую тошноту.

– Та не за что! – отмахнулся Молчан. – Извини, но хлеба предложить не могу. Его три раза в неделю привозят, а я на гостей не рассчитывал.

– Ничего страшного. И этого уже много. Честно говоря, не на такую встречу я рассчитывал, но рад, что все вышло именно так.

– Ну-ну, прожуй сначала.

На какое-то время на кухне повисла тишина, нарушаемая чавканьем Володарова и задумчивым сопением Молчана.

– А этот... – Володаров поморщился, вспоминая имя, – Алексей Сирий еще в Каменке?

– С чего такой интерес?

– Хотелось бы его поспрашивать по поводу хищения школьного имущества.

– Ого, Геннадий Павлович. Решил с места в карьер?

– В каком смысле?

– Да в таком, что тебя еще в должности не утвердили, а ты уже вынюхиваешь.

– Во-первых, не вынюхиваю, а интересуюсь, выясняю. И во-вторых, одно другому не мешает.

– Ну, раз так, то да, – Молчан пожал плечами. – Лешка все еще в Каменке. Но я бы на твоём месте его за школу не трогал.

– Если вы сейчас начнете рассказывать мне, что он хороший парень, то лучше и не начинать. Хорошие металлолом по школам не воруют.

– Тут ты прав, Геннадий Павлович, не воруют. И Лешку защищать я не собирался ни в коем случае. Он тот еще балагур, нервов мастным попортил знатно. Но свое уже заплатил, так что дергать его снова не надо.

– Вот как? – Володаров с любопытством заглянул Молчану в глаза. Голова не врал. – И сколько заплатил?

– Много... Очень много.

– Вы меня заинтриговали. Это какая-то тайна?

– Та не, – Молчан взмахнул рукой, словно отгоняя мрачные воспоминания. – Тайны здесь никакой нет. Просто история не из застольных, вот и все. Ладно, ты доел?

– Угу, – Володаров кивнул и отодвинул пустую тарелку.

– Ну, тогда пошли дела делать, участковый. Надо же тебя определить куда-то, верно?

– Верно, – снова кивнул Володаров.

– Я вчера еще немного посидел, после того, как ты уснул. Думал, куда тебя поселить. Так-то у нас с жильем проблем нет. Пустых домов стоит во, – он показал большим пальцем себе за спину, – пол села. Только вот ветхие они все, неухоженные. Хозяевам они не нужны, никто их не купит. Стоят, гниют годами. Такие чинить себе дороже. Домой уедешь раньше, чем заселишься. Но потом мне в голову идея пришла. Ты же у нас не суеверный парень, как я погляжу?

– Чего нет – того нет.

– Ну вот. Старожил у нас один на днях помер. Хороший дед был, бодренький. За домиком своим кое-как да следил. Родственников, как я знаю, у него нет, ну или совсем бросили... и такое бывает, – Молчан разочарованно покачал головой, но грусть в его глазах быстро сменилась на дежурную искорку. – Как ты, Геннадий Павлович, не против в доме покойника пожить?

Володарова удивила подобная формулировка. Он задумчиво хмыкнул, приподнял бровь и переспросил: – А покойник, я извиняюсь, еще в доме?

– Та не, ну ты чего? – Молчан покрутил пальцем у виска. – Похоронили как положено. Пашка в город сгонял, оформил все по-человечески, гроб купил. Не абы что, но на нашем свете никому не видно, а на том – все одно. Если надо, я могу могилку показать, еще свежая.

– Не нужно. Я вам верю. Вообще, мне много не надо. Главное, это крыша над головой, и стены по бокам. Чтобы ветром не сдуло.

– О, это по-нашенски, по Каменски, – Молчан хлопнул его по плечу. – С таким подходом ты у нас может даже и приживешься. Ненадолго. Ладно, – упершись ладонями в колени, он встал с табурета, достал из нагрудного кармана рубашки самокрутку, закурил и выпустил облако густого сизого дыма, тут же растекшегося по кухне. – Пойдем, санаторий, заселять тебя буду.

***

На улице Володарову открылась картина, которую вчера от него скрывал туман. Каменка во всей своей красе. Предсмертной, увядающей (или расцветающей, смотря с какой стороны посмотреть) красе. Дом Молчана действительно был расположен на самом краю села. Своей входной дверью он смотрел в лес, а подъездная дорожка выходила на улицу, от которой остались только две колеи, поросшие довольно высокой, высохшей на зиму, травой. С жилищем сельского головы соседствовали еще два очень похожих друг на друга дома. Отличались они лишь заборами и цветом стен, но в одном сходились в точности – в их окнах не было стекол, а на крышах – шифера. В придачу ко всему ворота дома слева ввалились во двор, сделав из улицы щербатую улыбку.

– Пойдем, – Молчан подождал, пока Володаров выйдет за калитку, закрыл ее на щеколду и показал вдоль дороги-тропинки. – Тут не далеко. Если так подумать, почти соседями с тобой будем.

– Это как так? – удивился Володаров. Все соседствовавшие дома выглядели совершенно непригодными для жилья, и он не мог представить себе, что его поселят в одном из них.

– Ну, Альбертыч, кстати, тезка твой, на той же стороне улицы жил, и между нами все заброшенное, так что...

– А, – Володаров понимающе кивнул, – как бы соседями.

– Ну, я так и сказал. Почти. Только ты на многое не рассчитывай. Наши домик пощипали немного. Так уж у нас заведено. Жизнь тяжкая, люди хватаются за все, что могут. Но все самое необходимое там есть, а чего нет – найдем. Ты, главное, спроси. Мы в беде не оставим.

– И что, дружно живете? – Володаров старался поспевать за Молчаном, но тот, несмотря на короткие ноги, шагал довольно быстро.

– А то! Это в городе можно самому по себе. Знай только работай, да деньги получай. В Каменке ты, можно сказать, в прошлое попадаешь. Тут без взаимовыручки далеко не уедешь. Оно ж ведь раньше как было? Охотник еду добывает, все время на это тратит. На пошив одежды не остается. А без одежды ты сильно не поохотишься. Вот он и отдает часть добычи портному за шубу. Это, грубо говоря, но ты меня понял. В Каменке примерно так же. Община живет сама по себе, как древние люди. Даже собирательство у нас в какой-то степени имеется. Это когда на водку не хватает и мужики по лесу рельсы собирают на металлолом, – он хрипло рассмеялся. Самокрутка, присохшая к его нижней губе, повисла и колыхалась в такт смеху.

Володаров ничего не ответил. Он изо всех сил старался удержать скудный завтрак в себе. Похмелье, которое настигло его сразу после пробуждения и отступившее немного позже, теперь вернулось, и было настроено вполне серьезно. Не ясно, что Молчан добавлял в свою самогонку, но на пользу это явно не пошло. Еще и погода на улице выдалась поистине весенней. Птички радостно поют, легкий ветерок разносит по округе запах свежести, и солнце светит, яркими лучами согревая землю. Землю и Володарова, одетого в грязную ветровку, с тяжелой сумкой за плечами, и непреодолимым желанием лечь прямо здесь, в колею.

Тем не менее, несмотря на все неудобства, Гена воспринял шутку про металлолом в серьез. Взял ее, как говорится, на карандаш. Ведь чем больше он узнает о местных, тем легче будет с ними наладить контакт.

– Ну, вот и пришли, – Молчан остановился у дома, бывшего зеркальным двойником его собственного. Зеркальным почти во всем. Вход не слева, а справа. Маленькое чердачное окошко смотрит не на лес, а в центр села. Стены не из зеленых досок, а из красного кирпича. Вместо штaketника по пояс – ростовой забор.

Молчан подошел к воротам, порылся в кармане штанов, извлек из него увесистую связку ключей и, прищурившись, принялся перебирать их один за другим. Спустя примерно минуту неторопливых поисков, он остановился на небольшом серебристом ключике с отметиной, сделанной белой краской, вставил его в навесной замок на воротах и повернул. Замок открылся. Молчан отворил только одну створку ворот, вошел во двор и жестом пригласил Володарова. Тот беззвучно икнул, борясь с тошнотой, и вошел следом.

Придомовой участок тезки Володарова выглядел не в пример окружающему запустению. Подъездная дорожка к дому была аккуратно засыпана гравием. Слева и справа от нее ровными прямоугольниками выделялась взрыхленная земля, скорее всего отведенная под цветники. Трава, временами доходившая за забором до пояса, здесь не дотягивалась и до щиколоток, будто кто-то совсем недавно ее косил. Между домом и забором красовалась беседка, сделанная из четырех вертикальных брусев, вбитых в землю, соединенных у основания горизонтальными перегородками и накрытых сверху простой односкатной крышей.

Сам дом тоже выглядел свежим и обжитым. Даже свежее Молчановского. Стекла в окнах вымыты, краска на рамах почти без грязи и пузырей, стены без темных следов от дождей, а двери так и вовсе как новенькие.

– Интересно, – задумчиво протянул Володаров, осматривая свое новое жилище.

– Что такое, – Молчан бросил окурок в гравий и затоптал его носком резинового сапога, – не нравится?

– Этого я не говорил.

– А что тогда?

Володаров еще раз окинул взглядом придомовой участок, чтобы убедиться, что все верно понял.

– Просто вы сказали, что усопший был старожилом.

– Альбертыч-то? – Молчан задумался. – Девяносто два годка было, как помер, если мне память не изменяет. Может оно в городе теперь по-другому называется, но у нас – старожил. Значит, не ошибся, все верно сказал. А что?

– И жил, вы сказали, он один.

– Один. Есть такое. Ну а что?

– И даже родственники на похороны не приехали?

– Да, не приехали. Что ж такое-то, ну?

– Нет, нет, ничего. Просто я не совсем понимаю, как девяносто двух летний старик без посторонней помощи мог держать дом и двор в таком хорошем состоянии.

Молчан уже было открыл рот, чтобы ответить, но понял, что ответа на этот вопрос у него нет.

– А ты молодец, Геннадий Павлович. Хорошую тему поднял. Я раньше как-то и не задумывался. Альбертыч у нас боевой старичок был. Везде нос сунул, на всех собраниях сельсовета присутствовал. Да чего уж там, две войны мировых пережил и революцию. Думается мне, что такой человек дому своему управу найти мог.

– Но не в девяносто два же?

– Да кто его знает? Оно ж ведь как бывает? Старики на пенсию когда выходят, сладить с временем свободным не могут. Одни от безделья чахнут, разваливаются, а другие – начинают

занятия себе придумывать. Кто в гараже с машиной возится, кто на огороде... Так и живут, пока шевелятся. Стало быть, Альбертыч из последних был. До победного шевелился, пока не помер.

– Стало быть, так, – кивнул Володаров, не желая больше развивать эту тему. Ему все еще было интересно, как предыдущий жилец в столь пожилом возрасте мог справляться с тяжелыми бытовыми задачами, но раз Молчан нужных ответов предоставить не мог, стоит повременить и поспрашивать других знакомых этого Альбертыча. Скорее всего, никакой тайны здесь не было, и старику помогал кто-то из местных, но Володаров просто не любил неотвеченных вопросов.

Молчан прошел вдоль заготовленных цветников к входной двери, поднялся по трем маленьким ступенькам и снова принялся ковыряться в связке ключей. На этот раз много времени не понадобилось. Нужный ключ был помечен такой же белой точкой, что и ключ от ворот. Отперев дверь, Молчан отошел в сторону, пропуская Володарова вперед.

– Заходи, Геннадий Павлович, будь как дома.

Гена дружелюбно улыбнулся, проходя мимо Молчана. Улыбку тут же смело резким запахом табачного дыма, вырвавшегося из рта сельского головы.

Сразу за входной дверью располагался небольшой тамбур, в котором у стены стояла лесенка, ведущая на чердак. Володаров зашел в помещение, вытер подошвы туфель (ботинок он решил не надевать) о тряпку, лежавшую на полу, затем без задней мысли потянул за ручку второй двери и чуть не оказался сбитым с ног большим черным котом. Неистово вопя, животное выскочило из дома, наткнулось на Володарова, запуталось у него в ногах и после недолгого замешательства пулей вылетело на улицу.

– Ого! – Молчан проводил взглядом удалявшегося кота, затем тоже зашел в тамбур. – Вот это скорость, я понимаю.

– Предположу, что это кот усопшего? – поинтересовался Володаров.

– Наверное. В Каменке полно котов. Пойди разбери кто чей. Но животину жалко.

– Это почему?

– Ну дык я сюда три дня как не заходил.

– Думаете, он все это время здесь запертый сидел? – Володаров вошел во вторую дверь и оказался на просторной кухне, одновременно являвшейся центром дома. Отсюда можно было попасть в три прилегающих комнаты и небольшую кладовую.

– А как еще? В доме окна и двери заперты. Это чтоб народ раньше времени добро растаскивать не начал. Наверное, зараза, все углы обгадил. Смотри под ноги, Геннадий Павлович.

Убранство кухни было простым, но от этого не менее уютным. Пол из досок, дровяная печка с плитой для готовки и лежанкой в соседней комнате, большой обеденный стол в углу, умывальник с подставленным снизу ведром.

– А что, водопровода в доме нет? – спросил Володаров, разглядывая ведро.

– Да ну, ты чего? Компрессорная станция вместе с карьером закрылась. Хорошо хоть электричество осталось. Но это тоже ненадолго. Платить людям за свет нечем, в долгах сидим.

– Понятно, – безучастно протянул Володаров, заглядывая в соседнюю комнату. Ею оказалась гостиная, чем-то напоминающая Молчановскую. Похожий советский шкаф, вот только книг гораздо меньше и разложены они аккуратно. Похожий советский стол со стульями. Такие же светлые занавески на окнах. На полу истоптанный старый ковер.

Следующей комнатой, в которую отправился Володаров, была спальня. Здесь все было еще проще. Полуторная кровать с металлическими быльцами и досками вместо сетки, да шкаф для одежды.

За последней, третьей дверью скрывался рабочий кабинет. По крайней мере так решил Володаров, увидев массивный стол с различными письменными принадлежностями, в центре которого стояли увесистые часы.

Окинув беглым взглядом свое новое место жительства, Володаров вернулся на кухню, где его ждал Молчан.

– Ну как, хороший дом?

– Да, хороший. Я бы даже сказал, очень. Слишком хороший.

– Это как?

– Вы не подумайте, я не перебираю. Просто у меня в голове не укладывается, что здесь жил одинокий девяностодвухлетний старик. Смотрю я на всю эту чистоту и не верю.

– Ну что я могу сказать? Дело твое, Геннадий Павлович. Хочешь верь, хочешь – нет. Альбертыч, сколько я его помню, всегда был очень опрятный и дисциплинированный мужик. Такой хозяйство в узде держать мог, это точно.

Володаров кивнул, принимая аргумент Молчана, но сам остался при своем мнении. Он слишком много раз бывал в квартирах пенсионеров, чтобы не заметить разницу. И дело было даже не в чистоте, которую могли навести уже после смерти хозяина. Дом Альбертыча отличался отсутствием специфического запаха, которым непременно пропитывались стены, пол, потолок. Запаха, который очень легко запоминается и крайне сложно выводится. Запаха человеческой старости.

– Еще вопросы надоедливые к казенной жилплощади имеются? – Молчан шмыгнул носом. В доме со смерти хозяина никто не топил и от того здесь было холоднее чем на улице.

– Думаю, как-нибудь разберусь, – ответил Володаров, заглядывая в пустую кладовую.

– Самостоятельный? Это хорошо. Тогда вот, держи, – Молчан снял со связки два ключа с белыми пометками. – Только не потеряй. Запасных пока нет. Не успел сделать.

– А мне документы никакие подписывать не нужно?

– Чего? Какие еще документы? Кому твои документы здесь нужны?

– Здесь может быть и нет, а начальству моему нужны.

– Тогда сначала разберись с этим начальством, на кой они тебя сюда засунули, Геннадий Павлович, – в голосе Молчана отчетливо читалось ехидство.

Володаров осекся. Он попытался снова вспомнить подробности своего назначения, но не смог. Лишь какие-то размытые образы и обрывки общих фраз, не более. Ощущение складывалось такое, что в тот день он был чертовски пьян или не в себе. Будто память не хотела, чтобы он в ней рылся.

Вдруг к горлу подкатила горькая волна, и Гену стошнило смесью яиц с солеными помидорами прямо в ведро под умывальником.

3 Работа

– Ты чего? – участливо поинтересовался Молчан, склонившись над усевшимся на пол Володаровым.

– Ничего, – он вытер рукавом рот и тяжело выдохнул. – Самогон у вас, Валера, чистый яд.

– Чего ж яд-то сразу? Ну может немного крепковат... Но дык это для безопасности. Тем паче спирт дорогой, а работать как-то надо. И вообще, ты, Геннадий Павлович, слишком гордом разнежен. Вот поживешь у нас с годик, закалишься, так тебе мой ореховый нектаром покажется.

– Этот годик еще как-то пережить надо.

– Ай! – Молчан махнул рукой. – Давай только на полу не сиди. Простудишь себе все. Вставай, переодевайся в чистое... У тебя же есть чистое?

Володаров кивнул и похлопал рукой по сумке.

– Вот, приводи себя в порядок. А я пока воды тебе наберу. Умоешься хоть.

Молчан глянул в ведро под умывальником, поморщился и вышел. Спустя минут десять он вернулся с мылом и полотенцем. А после занес в дом другое ведро, наполненное до верха прозрачной колодезной водой.

– Я к Альбертычу в сарай заглянул, – он поставил ведро на пол, вода внутри колыхнулась, и несколько капель пролилось на доски. – Оказывается, за неделю наши еще не все дрова сперли. Представляешь?

– Не очень, – ответил из спальни Володаров. Чтобы хоть как-то отвлечь себя от тошноты он решил переложить вещи из сумки в шкаф.

– Вот и я так думаю. А оно вон чего. Стало быть, теряют хватку. Стареют...

– Стало быть, так, – повторил Володаров.

– Но это тебе же лучше, Геннадий Павлович. Тебе же лучше. Значит будет чем сегодня дом протопить. И воды помыться нагреть. А то грязный ты с дороги, как собака.

Молчан снова ушел, чтобы вернуться с охапкой дров на растопку.

– Печку топить умеешь? – спросил он у вышедшего на кухню Володарова. В ответ тот неуверенно кивнул. – Ничего сложного. Дрова в дырку суешь да поджигаешь. На вот, – он достал из кармана штанов коробок спичек. – Только себя не подожги. А я пока таз притащу.

– Это зачем?

– Как зачем? – удивился Молчан. – Мыть тебя, Геннадий Павлович, будем. Я бы, конечно, лучше в баньку ходил. Но это проситься надо, долго. А нам тебя надо в работоспособный вид привести.

Володаров спорить не стал. Да ему особо и не хотелось. Ему вообще ничего не хотелось. Приступ рвоты сильно облегчил его самочувствие, и теперь он находился в таком состоянии, когда человек просто рад тому, что жив.

Проявляя удивительную расторопность, Молчан носился к себе домой и обратно, каждый раз притаскивая еще немного необходимых на первое время вещей. Пока дрова в печке разгорались, он успел снабдить Гену неизвестно откуда взявшимся старым матрасом, на котором с одной стороны расплылось жутковатое пятно, такой же малопривлекательной подушкой и тонким шерстяным одеялом. Постельного белья он не принес, но пообещал к вечеру найти комплект. Еще он притащил набор для еды – кружку, ложку и миску. Скромно, но на первое время и такой сойдет. Последним «подарком» оказался широкий, но не очень глубокий таз, явно немало повидавший за свою долгую жизнь.

Пока Володаров налаживал кровать, дрова разгорелись основательно. Воздух в доме стал гораздо теплее и суше, от чего ощущение сырого подвала ушло, а на смену ему пришел домаш-

ний уют. Ведро воды, которое Молчан поставил на печную плиту, тоже нагрелось, и когда начало парить он стащил его на пол.

– Прощу! – он демонстративно похлопал рука об руку, стряхивая несуществующую пыль. – Ванна подана. Как помоешься, заходи, покажу, где работать будешь. Если оно тебе, конечно, надо.

– В каком смысле? – не понял Володаров.

– Ну, место. Накой оно тебе, если никто заходить не будет? А если и будут, то лучше пускай сразу домой к тебе идут. Так всяко проще.

– Нет, Валера, не проще. Проще четко разграничивать личную и рабочую жизнь.

– В Каменке так не бывает. Здесь все друг про друга все знают. Личная жизнь это для города. У нас по-другому.

– Это не важно. Если люди начнут ко мне домой приходить, чтобы на пьяного соседа пожаловаться, то я с ума сойду.

– Да кому ты сдался, Геннадий Павлович? – Молчан хохотнул. – Наши люди привыкли свои проблемы решать по-своему. Ты им и за даром не нужен, чтоб к тебе еще домой ходить.

– Может и так. А может и нет. Вот посмотрите, Валера. Когда в селе обо мне узнают, от жалоб оглохнуть можно будет.

– Может и так. А может и нет, – перекиривлял его Молчан. – Все, хорош трепаться. Мойся и приходи. Только дом закрыть не забудь. Я ключи на столе оставил.

***

Как выяснилось, в доме Альбертыча не было ванны. Вернее, она была, но, судя по пустующей сливной трубе в полу и четырем вмятинам от ножек, только до совсем недавнего времени. Гена предположил, что после смерти хозяина местные (возможно тот самый Лешка Серой) присвоили ее себе, а, скорее всего, сдали на металлолом. К счастью унитаз трогать они не стали. Вероятно, не смогли найти ему применение, или же оставили на потом.

Володаров не мылся в тазу со времен службы в армии и даже подумать не мог, что этот навык ему еще сможет пригодиться. Дело это со стороны может показаться простым, но, как и любое занятие, имеет свои хитрости.

После импровизированного теплого душа из кружки, Володаров достал из своей сумки милицескую форму. Она была помята, что лишний раз заставило его отругать себя за дурацкую идею сидеть на сумке. Затем он еще раз обошел дом. К его удивлению кот, просидевший, по словам Молчана, взаперти трое суток никаких подарков не оставил, как и неприятного запаха. К слову в доме вообще не было никаких посторонних запахов. Жилище Альбертыча находилось в удивительно хорошем состоянии, будто местные после смерти хозяина не только обнесли его подчистую, но и прибрались за собой.

– Ну что, Гена, – Володаров смотрел на блеклое отражение самого себя в стеклянной задвижке шкафчика с книгами, – хотел санаторий? Натё! Номер для всей семьи, удобства внутри... ну, по крайней мере, половина... незабываемый вид на заброшенные участки, приветливый персонал и освежающие напитки.

Он пригладил ладонями рубашку, тяжело вздохнул и натужно улыбнулся своему отражению.

– Все будет хорошо...

***

Молчан сидел у себя во дворе, задумчиво пыхтя самокруткой, но, увидев Володарова в форме, тут же встал и демонстративно отдал честь.

– Здравь жела тврещ участковый! – выпалил он, а затем хрипло рассмеялся.

– К пустой голове руку не прикладывают, – парировал Володаров.

– Извеняйте, других не имеем, – он оценивающе осмотрел Гену. – А ничего, Геннадий Павлович, на Каменского мента вполне потянешь.

– Не мента, а милиционера, – поправил Володаров.

– Ага, – отмахнулся Молчан. – Весь потасканный, форма мягкая, на лице улыбочка... Именно такой представитель власти нам и нужен, – Он опять рассмеялся, громче прежнего, но увидев перемены в лице Володарова тут же прекратил. – Ладно, не обижайся. Это я просто шучу.

– Вы обещали показать мое место работы.

Молчан перекинул языком самокрутку из одного уголка рта в другой и кивнул.

– Все-таки решил в кабинете штаны просиживать? Ох и мороки с тобой... Ладно, есть у меня на примете парочка вариантов. Оба, конечно, так себе. Но выбирать особенно не приходится. Чай не столица. Чем богаты, тем и рады. Пойдем.

Молчан вышел через калитку и повел Володарова по все той же заросшей сорняками и травой улице в центр села. Большую часть пути они шли молча, иногда перекидываясь парой слов о погоде, но не больше, пока не дошли до перекрестка. Единственного полноценного перекрестка в Каменке. Здесь сходились две основных улицы села.

– Что это? – поинтересовался Володаров, показав пальцем на остатки разрушенного здания, торчавшие из зарослей кустарника, по правую сторону от улицы, по которой они шли.

– Церковь наша, – ответил Молчан. В его голосе промелькнула едва заметная нотка тоски.

– А что случилось?

– Ну а ты как думаешь? Развалилась, ясное дело. Чего ж еще?

– Нет, в смысле, как это произошло?

Молчан пожал плечами то ли, не зная, что ответить, то ли вовсе не желая отвечать. Володаров заметил это колебания и решил слегка надавить.

– Ее тоже местные разворовали?

Это сработало.

– Чего?! – возмутился Молчан, будто его самого только что обвинили в краже. – Ты таких глупостей на людях-то не болтай. Я еще ничего, знаю, что ты не со зла, а вот наши могут за такое и по роже двинуть. Не посмотрят, что ты милиционер, – он сделал акцент на последнем слове. – Нет, Геннадий Павлович, в отличие от тебя, эта церковь могла в Каменке действительно навести порядок. Но, видать не судьба. В семьдесят шестом ей в крест на куполе молния попала. Полыхнуло, будь здоров. Никто и сообразить не успел, а когда опомнились, уже поздно было. Три человека погибло, а попа еле спасли, но толку с того мало. На всю жизнь калекой остался.

– Печально слышать.

– Конечно, печально. Так что впредь не беги поперед паровоза, думай, прежде чем сказать. У нас народ хоть и тянет, что плохо к полу прибито, но делает это не от плохого характера. Они, может, и рады были бы жить по-другому, но выбора им никто не дал. Не нужно их в это носом тыкать.

– Согласен, прошу прощения, – искренне извинился Володаров, и тут же переспросил. – А что вы имели в виду, когда говорили, что церковь могла здесь порядок навести лучше меня?

– Да то и имел. Ты все одно человек не суеверный, тебе не понять.

– Верно, не суеверный. Но мне еще здесь работать, жить. Должен же я разобраться, что у вас за люди и как с ними обращаться.

– Как-как? Как с людьми и обращайся. Им... нам особого ухода не нужно. Мы-то здесь уже не первый годик выживаем, приучились. А вот за тобой присмотр на первое время пригодится. Как поймешь, что от суеверий есть прок, вольешься, так сказать, в Каменское болото, тогда и вернемся к вопросу о твоей полезности.

Молчан провел Володарова мимо остатков церкви, затем повернул налево, на вторую полноценную улицу села. Пройдя метров сто – сто пятьдесят, он остановился у двух одноэтажных кирпичных зданий.

– Вот, вариант номер раз, – он показал на здание слева.

– Что это? – не понял Володаров.

– Гордость и стыд Каменки – наш клуб, – продекламировал Молчан. – Он же сельсовет, он же дворец культуры, он же дискотека.

– Выглядит как заброшенный сарай.

– Это и есть заброшенный сарай. Но ты на красоту не обращай внимания. Главное, что стены еще стоят, крыша не течет... почти, а внутри есть куча кабинетов, которые ты можешь занять. М? Как тебе? – он широко улыбнулся, глядя Володарову прямо в глаза, будто был не сельским головой, а хитрым продавцом, пытавшимся впарить незадачливому клиенту некачественный товар.

– Куча кабинетов, говорите?

– А то! Целых три! Две гримерки и кладовая. В придачу есть актовый зал, в котором можно проводить массовые допросы с пристрастием, и танцы. Стульев-то нет давно, – он коротко хохотнул.

– Многообещающе, – протянул Володаров, имея в виду совсем не это.

– Еще бы! Когда наши узнают, что к ним из райцентра цельного участкового выделили, сразу к тебе ломанутся. А тут бац! У тебя актовый зал под рукой. Небось все село в него разом влезет. Еще и место останется.

– Вы, Валера, зря шутите. Дело ведь серьезное.

– А я и не шучу. В актовом зале поместятся все, вот те крест, – он быстро перекрестился.

Володаров бросил на него косой взгляд, затем вздохнул и спросил: – Какой там второй вариант был?

Смотря на сарай-клуб, Гена видел в нем все, что угодно, но только не кабинет участкового. Само по себе здание было не так уж плохо и еще могло когда-нибудь сослужить хорошую службу. Просто Володарову оно не нравилось, вызывало какое-то странное, неприятное ощущение тревоги в душе. Не нравилось и все тут. Точка.

– Второй немного похуже будет. Да и идти далековато. Может ну его? А? Ты же еще даже внутри не был. Давай зайдем, я тебе все покажу...

– Не стоит, – с небольшим нажимом отказался Володаров.

– Ну как скажешь, Геннадий Павлович. Как скажешь. Пойдем.

Молчан развернулся и быстро зашагал вдоль по переулку между домами.

***

– Во!

– Это оно?

– Оно самое. Я же говорил, что надо было на клуб соглашаться.

Володаров пока еще не совсем понимал на что именно смотрит. Второй вариант отличался от первого кардинально. И эти различия были явно не в лучшую сторону. Небольшое (гораздо меньше сельского клуба) одноэтажное здание находилось почти на самом краю Каменки. На вид оно было сильно потрепано и переживало не лучшие времена. Вытянутый прямоугольник, окрашенный темно-синей краской, одной стороной смотрел в центр села, а другой – в заросли кустарника, отделявшие его от соседнего поля. В центре фасада к нему была приставлена деревянная пристройка, по всей видимости служившая тамбуром. От времени и отсутствия ухода доски покосились, накренились немного влево, что создавало иллюзию, будто они-то как раз ровные, а наклонен весь остальной дом.

Но, несмотря на все недостатки, которых было не счесть, Володарову здание нравилось гораздо больше предыдущего. Хоть оно и выглядело куда хуже, но от него необъяснимо веяло теплом, уютом и обжитостью. В то время как сельский клуб мог только заставить волосы на спине и шее встать дыбом.

– Вы зря спешите с выводами, – Володаров подошел немного ближе и заглянул в окошко деревянного тамбура. – Мне нравится.

– Да? – удивился Молчан. – Клуб же гораздо больше.

– Дело не в размере, Валера.

– Ага, мне жена тоже так говорила, – он хмыкнул, попытавшись выдавить из себя смешок. – Странный ты, Геннадий Павлович. Точно клуб не хочешь? А не то поздно будет. Я за тобой туда-сюда бегать не собираюсь.

– Нет, клуб точно не хочу. Для массовых допросов с пристрастием мне актовый зал не нужен. Я и здесь прекрасно справлюсь.

Молчан сперва не понял шутки потому, как тон Володарова был весьма серьезен, но через секунду его прорвало, и он громко рассмеялся.

– Вот молодец, это по-нашему, по-Каменски! Выходит, быть нам с тобой везде соседями, – он порылся в кармане штанов, достал большую связку ключей и натренированным движением откинул нужный ключ.

– В каком смысле? – поинтересовался Володаров.

– Да в прямом. Других не держим, – Молчан повернул ключ в замке, открыл дверь сбитой на скорую руку пристройки и ткнул пальцем в табличку, висевшую на внутренней, кирпичной стене. Надпись на табличке была короткой и лаконичной: «Медпункт». – Видать судьба твоя – в Каменку попасть. Не иначе. Хоть ты и не суеверный, но признай, слишком много совпадений для одного дня.

– Я не совсем понимаю, – признался Володаров.

– Ну, сам посуди. Жилье тебе по удаче хорошее досталось. Можно сказать, новое, с иглолки. Причем с моим по соседству.

– Почти по соседству, – поправил Володаров.

– Ага, почти. И тут ты сам, ничего не зная, выбираешь работать в моем медпункте. Опять со мной по соседству. Не в администрации, а в медпункте. Кто бы мог подумать?

– Постойте, Валера. Но вы ведь ветеринар, если я правильно запомнил.

– Вот сразу видно городской. В селе что врач, что ветеринар, все одно.

– Я думал, это совсем разные профессии.

– Оно-то может и так, но людям до одного места. Ты или шишками еловыми лечишься, или у ветеринара. Выбор не велик. Ясное дело, с серьезными болячками я сразу в райцентр отправляю, но такое редко у нас бывает. Обычно мелочь всякая, а с мелочью и я справляюсь хорошо. Ты на пороге не стой, заходи.

Молчан открыл внутреннюю дверь. Володаров последовал совету, не задерживаясь, прошел тамбур. Внутри медпункт выглядел гораздо более ухоженным, чем снаружи. Он был пустым, можно сказать, бедным, но все же ухоженным. Стены, окрашенные до уровня плеча в бледно синий, а выше побеленные. Полы, устеленные старым кафелем, в котором были протоптаны тропинки, белые двери, избитые порги. Все, кому хоть раз доводилось побывать в советской больнице, могут с легкостью представить себе, на что был похож медпункт села Каменка – на ее младшего брата. Очень младшего.

Молчан захлопнул внутреннюю дверь и привычным движением вытер ноги о небольшую тряпку неопределенного цвета, лежавшую у порога. Настолько привычным, что Володарову оно показалось даже немного вальяжным, небрежным. Будто это была опостылевшая обязанность, а не норма.

Медпункт Каменки начинался с квадратной просторной комнаты, которая, по всей видимости, задумывалась как зал ожидания и регистратура одновременно, но время и сельский быт внесли свои коррективы. Стулья, на которых должны были сидеть пациенты, хоть и поистрепались за свою долгую жизнь, но более-менее сохранили товарный вид. Маленький столик, сделанный из толстой доски и двух поржавевших металлических ножек – тоже. Краска на нем облупилась почти полностью, но функцию свою выполнять он все еще мог. В отличие от двух шкафов, стоявших в углу. По неизвестной Володарову причине их дверцы отсутствовали, а в задних стенках были пробиты дыры размером с чей-то кулак.

– Ты на бардак внимания не обращай, – заметил направление взгляда Володарова Молчан. – Я их давно наладить хочу, да вот только руки никак не доходят.

– А что случилось? Тоже молодые хулиганили?

– Нет, не они. Долгая история, да и ты все равно не поверишь. Пойдем лучше я тебе кабинеты покажу.

Володаров кивнул. За то недолгое время, что он провел в общении с Молчаном, Гена успел слегка пообвыкнуться с его манерой речи, а потому легко понял, что тема со шкафами ему неприятна. Тем не менее, любопытство говорило ему, что эту историю непременно стоит узнать. Возможно не сейчас, чуть позже, найдя более подходящий момент для разговора.

– Вообще, их здесь четыре, но свободный только один, – от регистратуры влево и вправо расходились два коридора, деливших здание вдоль на две равных половины. Молчан выглянул в тот, что был слева и показал пальцем поочередно на две двери. – Это манипуляционная, ну или перевязочная, если по-простому. А там – склад. Хранить особенно нечего. Бинты да зеленка. Нам денег уже не выделяют, говорят, чтобы мы в поликлинику ездили. Но кто ж поедет? Особенно зимой по снегу.

– Что, действительно только бинты и зеленка?

– Ну, может еще чего по мелочи. Но в основном я там для скотины всякое держу. А вот здесь, – он перешел к правому коридору, – я работаю.

– Выходит, кабинет напротив – мой?

– Выходит, что твой. Но я тебе, Геннадий Павлович, еще раз говорю, зря ты в клубе не остался. Оттуда и до дома ближе и, всяко, в центре. А здесь что? Будешь сидеть, в потолок плевать и на поле паяться.

– Руководствуясь здравым смыслом, предпочту работать здесь. Находясь в одном здании с администрацией села, я смогу реагировать быстро и эффективно.

– Ты смотри, как заговорил, – Молчан удивленно приподнял бровь. – Это тебя в школе милиции так научили, или сам где нахватался?

Володаров неопределенно пожал плечами. Просто ему не хотелось признаваться Молчану в том, что здание клуба его пугало. Сохраняя за собой статус человека, далекого от суеверий, он мог оградить себя от рассказней местных про всякую потусторонщину, которая им померещилась в тумане, а необъяснимый страх перед заброшенным сараем мог сильно ударить по этому статусу.

Кабинет, в который определили Володарова, был категорически пуст. Кроме окна, как верно заметил ранее Молчан, выходящего на соседнее поле, в нем не было ровным счетом ничего.

– Ну как? – Молчан улыбался настолько широко, насколько только мог, снова на миг превратившись в проныру-продавца, пытающегося впарить никому не нужную жилплощадь.

– Что, как? – не понял Володаров.

– Как «что как»? – в ответ не понял Молчан. – Кабинет как?

– Кабинет как? – повторил Володаров, давая себе время подобрать нужные слова, цензурные слова. – Да никак. Здесь же ничего нет. Это пока еще не кабинет, а комната. Мне же даже сесть негде. Как я должен здесь людей принимать? А документацию заполнять? Хранить?

– Вот ты, Геннадий Павлович, странный мужик. Я тебе что, должен был все это из воздуха за ночь наколдовать? Ты вчера мне как снег на голову свалился, а теперь еще требуешь. Города за день не строятся. Будет тебе и стол, и стул. А если руки дойдут, то может даже шкаф. Только не мороси.

Володаров открыл было рот, чтобы извиниться, но вдруг тишину, к которой после жизни в шумном городе он все еще не мог привыкнуть, нарушил звук открывающейся двери и чьи-то тяжелые торопливые шаги. Молчан тоже их услышал и вместе с Геной выглянул в коридор.

Источником гулкого топота оказался сутулый мужчина. Он быстро ковылял из регистратуры вдоль коридора. Завидев Молчана, мужчина нервно помахал рукой и ускорил шаг.

– Никон? – Молчан, не дожидаясь пока незванный гость приблизится, протянул руку для рукопожатия. – Ты чего в такую рань бродишь? Случилось чего?

– Случилось, Валера, случилось, – из полумрака коридора Никон вышел в прямоугольник света, падавшего через кабинетное окно, и пожал протянутую руку, затем бросил быстрый взгляд на Володарова и коротко добавил: – Здравсьте.

– Доброе утро, – ответил Володаров стараясь сохранять невозмутимость, хотя делать это ему было крайне сложно. Когда Никон вышел на свет, Гене удалось как следует рассмотреть его и ничего хорошего он не увидел. Лицо мужчины было обезображено жуткими шрамами, протянувшимися плотной сеткой от правого уха, вдоль скулы и спускавшимися по губам к шее. Его левая рука тоже была изуродована. Кисть на ней отсутствовала, а остальная кожа, как и лицо, была покрыта старыми ожогами.

– А, ну да, – Молчан положил руку Володарову на плечо. – Это Геннадий Павлович, наш новый участковый. Геннадий Павлович, знакомься, отец Никон.

– Некогда, Валера, – прервал его Никон. – Беда у нас.

– Беда, это плохо. Жалуйся.

– Погост осквернили.

– Вот как? – брови Молчана подскочили вверх.

– Угу, – кивнул Никон. – Сам видел, как тебя сейчас. Крест на земле лежит, поломанный, а заместь могилы яма.

– Может собаки порылись?

– Нет, собаки так не роют. Говорю тебе, осквернили.

– Ну, хорошо, не роют так не роют. Посмотрю я на могилку твою, – задумчиво протянул Молчан, но тут же осекся и поправил себя: – В смысле не на твою... Кстати, а чью розрыли-то?

– Самую свежую, – ответил Никон таким тоном, от которого у Володарова по спине пробежали мурашки.

– Вот так новость... Ну что, Геннадий Павлович, – Молчан повернулся к Володарову, натянув свою дежурную улыбку, но вышло у него это не очень качественно, глаза выдавали волнение, – готов дом отрабатывать?

***

Каменское кладбище находилось на окраине, села, недалеко от леса. В отличие от остальных общественных мест, оно не казалось заброшенным. Отнюдь. Оно выглядело очень опрятно, аккуратно и ухожено. Трава скошена, надгробия и кресты не ржавые, заборчики окрашены. Володарова искренне удивил такой контраст и он не постеснялся поинтересоваться: – Хорошее у вас кладбище, ухоженное. Неужели люди так трепетно относятся к усопшим?

– Да куда уж там, – Молчан хмыкнул. – Это все Никон. Он у нас здесь порядок наводит. Да, Никон?

В ответ Никон положительно кивнул и показал пальцем в сторону леса: – Туда.

Про себя Володаров уже успел отметить, что для хромого человека этот Никон больно быстро ходил.

– И что, вам за это платят?

– Нет, это он все сам, – ответил за него Молчан. – Никон нашим священником был, но, когда церковь погорела, а народ из села в город попер, работы у него не стало. Вот, теперь за погостом следит. И то, пока сил хватает. Да, Никон?

Никон снова кивнул. По всей видимости, тема разговора была ему неприятна.

– Вот, Валера, смотри, – он подвел сельского голову и участкового к тому месту, где еще вчера была обычная могила.

– Ого, – шумно выдохнул Молчан и почесал затылок.

Володаров промолчал. На секунду он забыл о назойливом желании покурить, каждый раз возникавшим при виде очередной самокрутки, появлявшейся в зубах сельского головы, о страшных шрамах священника, и о пустом кабинете, который еще долго придется обставлять. Сейчас его внимание было полностью обращено на глубокую яму в земле и скромный крест с прибитой к нему металлической табличкой, на которой были указаны имя и годы жизни владельца могилы.

Геннадий Альбертович Балашов
1901—1993

– Тут ты, Никон, прав, – Молчан аккуратно наклонился над краем ямы и заглянул внутрь, – это точно не собаки.

– Вы уверены? – Володаров еще никогда не сталкивался с подобными случаями, а потому не исключал никаких возможностей.

– Уверен. Собаки так глубоко не роют. Ну, наши уж точно. А если б рыли, то от погоста уже бы ничего не осталось.

– А другие звери, которые могли бы такое натворить, у вас водятся?

– Тю, Геннадий Павлович, мне-то откуда знать? Я у них что, спрашивал? Может и водятся. Но раньше я такого не видал. Тем более, не думается мне, что это их дела. А ты, Никон, как считаешь?

Никон неопределенно пожал здоровым плечом.

– И вообще, я как ветеринар тебе скажу, могилы человечьи лесным зверям и даром не сдались.

– Откуда такая уверенность?

– Из головы. Вот сам подумай. Альбертыча мы сколько?.. – он задумался, вспоминая, – девять дней назад как похоронили. Выходит, тело уже не первой свежести было, когда его выкопали. Ежели это делало животное, тогда это точно падальщик, а им проще на земле найти, чем под землей. Уж больно много мороки два метра рыть, чтоб покушать. Нет, это не звериная работа, точно.

– Возможно, вы и правы. Но это при учете, что могилу раскопали именно сегодня.

– Этой ночью раскопали, – подал голос Никон.

– И вы уверены, что именно ночью?

– Да. Я сюда каждое утро прихожу, проверяю, чтобы надгробия и заборы не покрали. Вчера еще все в порядке было. А могилу копать дело долгое. У меня окна на эту сторону выходят. Я бы заметил.

Володаров терпеливо выслушал объяснение Никона, обходя вырытую могилу по кругу, вглядываясь в разбросанную вокруг землю. Затем он нагнулся над ямой и заглянул внутрь. На дне виднелись остатки пустого гроба.

– Хм... – он остановился у перевернутого креста, присел и попытался его приподнять. Вышло это у него без особого труда. – Ну, хорошо, – он положил крест на место и отряхнул ладони, – предположим, то, что вы говорите – правда...

– Ну, ты чего? – тут же вмешался Молчан. – Конечно, правда. Никон за просто так врать не станет. Раз сказал, значит, так и было.

– Не спешите, Валера. Я не говорил, что он врет. Но и в правильности его выводов сомневаюсь. Если все так, как он говорит, и преступник находился на кладбище именно вчера ночью, тогда не совсем ясно каким образом он умудрился незаметно выкопать такую глубокую яму, при этом не оставив никаких следов на земле. Прошу заметить, она все еще влажная после дождя и если бы здесь орудовал человек с лопатой, то все вокруг было бы хорошенько утоптанно.

– Я не говорил, что это был человек, – слегка угрюмо ответил Никон. – Может человек, может животное, может еще кто, – он бросил короткий взгляд на Молчана. – Я только говорю, что вчера вечером могила была еще цела, вот и все.

– Видишь? – снова вмешался в разговор сельский голова. – Он просто сказал, что вчера вечером...

– Я слышал, – не дал ему договорить Володаров. – Ну, хорошо. Тогда я не совсем понимаю. По вашим, Валера, словам это было точно не животное. Исходя из противного можно сделать вывод, что это точно кто-то из местных.

– Чего это? – возмутился Молчан, будто обвинили лично его.

– А того, что никому и в голову не придет переть в ваш, как вы сказали, Усть-Пердьюйск чтобы вандализмом заниматься. Да еще каким! Вместо того, чтобы просто повалить здесь все, они яму выкопали, гроб вскрыли и тело забрали. Нет, это определенно был кто-то из местных. Осталось понять, зачем кому-то все это нужно. Еще и крест брать не стали. Значит, дело не в деньгах... Может месть? Этот ваш Альбертыч в селе врагов не имел?

– Да нет, вроде, – Молчан нахмурился, вспоминая. – Так-то оно все не без греха. Может и были с кем нелады, но чтобы до такой степени... Нет, такого я бы не пропустил. Тем паче ты, Геннадий Павлович, опять наш народ непонятно за кого принимаешь. То тебе Никитин жену прибил, то теперь покойников воруют.

– Но вы же не станете отрицать, что... – начал было оправдываться Володаров, но его оборвал Никон.

– Смотрите! – бывший священник стоял в паре-тройке метров от ямы, показывая пальцем на землю.

Аргумент нового участкового на тему отсутствия следов показался Никону разумным, а потому, пока у могилы разгорался спор на тему упадка нравов в вымирающих селах, он решил пройтись вокруг, поискать. Авось следы есть, просто их нужно найти? И оказался прав. Но, к слову, проще от этого не стало.

Володаров и Молчан подошли к тому месту, на которое указывал Никон и застыли как вкопанные. Причиной такой реакции были заветные отпечатки пары ног, довольно легко читавшиеся на темной земле. Они тонкой вереницей, слегка отклоняясь то влево, то вправо, уходили в сторону леса. И все бы ничего, только это были следы не ботинок, на которые надеялся Володаров (ведь по размеру и форме подошвы можно легко вычислить вандала). Это были следы босых ног.

– Интересно, – протянул Володаров.

– Ага, – подтвердил Молчан.

– Это что же получается? Некий босой неизвестный, предположительно житель Каменки, среди ночи выкопал могилу Балашова, сломал надгробный крест, затем извлек тело покойного и скрылся с ним в лесу? Интересная у вас тут в селе жизнь, однако.

– А если б ты, Геннадий Павлович, не был такой упрямый, то она бы стала еще интереснее, – Молчан хитро прищурился и закурил.

– Дайте угадаю, сейчас вы попытаетесь убедить меня в том, что здесь произошло нечто сверхъестественное?

– А чего тут пытаться? Все и так ежу понятно! Вот сам погляди...

– Нет, и речи быть не может. То, что мы в данный момент не можем объяснить случившегося, еще ничего не значит.

– Это отчего же не можем объяснить? Я-то как раз еще как могу. Ты меня не приплетай к своему неверию, а лучше возьми да погляди внимательнее.

Володаров раздраженно закатил глаза и тяжело вздохнул. Весь его тщательно обдуманый план сохранять образ человека далекого от суеверий мог покатиться ко всем чертям. И не потому, что он начал бессмысленный спор с сельским головой о сути происходящего. А потому, что он собирался выслушать полностью его теорию. Нет, он ни на секунду не сомневался в том, что дело только сейчас кажется странным, загадочным. Он был уверен на все сто, что это пьяная выходка одного из местных хулиганов или еще что-то в этом духе. Но судя по тому выражению лица, с которым Молчан призывал его выслушать свою версию, этот полный, низенький мужичок явно заметил какую-то деталь, ускользнувшую от Гены. И чтобы понять какую именно – придется с головой окунуться в сельские суеверия.

– Значится так, – начал Молчан, – дело и выведенного яйца не стоит. Зверям могилка нашего Альбертыча и даром не сдалась, это мы уже выяснили. Ага. Что ж тогда остается? Правильно, человеки! Оно, конечно, можно тут сейчас Агату Кристи развести и понапридумывать всякого, разного. Будешь ты, Павлович, по селу ходить, как дурак, во все двери стучать и спрашивать, не видел ли кто вчера ночью мужика с лопатой на погосте. Да вот только никто тебе ничего не расскажет. Потому что, во-первых, ты в Каменке человек новый, незнакомый. Нету к тебе доверия еще. А во-вторых, никого вчера ночью на погосте с лопатой не было. Знаешь, чего?

Володаров вопросительно кивнул.

– А того, что наш Альбертыч сам себя выкопал, – Молчан с довольным лицом выпустил густой клуб табачного дыма.

– Да ну, что вы придумываете?

– А вот и не придумываю. Как есть говорю. Вот ты когда в последний раз землю лопатой копал? А? То-то же! Ты же городской, какой с тебя спрос? Поди посмотри на яму. Нету на ней следов от лопаты. Края неровные, земля вокруг как попало разбросана.

– Это еще ничего не доказывает.

– Ага. И щепки от гроба тоже ничего не доказывают?

– А что с ними? – Володаров спрашивал искренне, потому что на них-то он как раз и не обратил внимания.

– А то, что ежели лопатой по гробу бить, как в твоей истории, то они где должны быть? Правильно, внутри. А они где? Снаружи.

– Возможно, они остались на теле Балашева и обсыпались, когда его доставали?

В голосе Володарова больше не было прежней уверенности. Теперь, после того, как Молчан выдал свое описание произошедшего, теория с похищением трупа каким-то непостижимым образом сама стала походить на фантазию, а необъяснимое воскрешение девятиностдвух-летнего мертвеца – на обыденность.

– Или Альбертыч просто решил погулять немного, выломал гроб изнутри, выкопал себя и убежал в лес. Вот тебе и босые ноги. Ты же сам видел, следы неглубокие, такие мужик со стариком на спине оставить никак не мог.

– Ну а крест поломанный как в вашу версию событий вписывается? – идеи Володарова почти ничего не объясняли, а лишь вызвали больше вопросов, тогда как Молчановские, казалось, били прямо в точку. Гена знал, что мертвые из могил не встают и в лес не убегают, а потому отчаянно пытался найти ту одинокую ниточку, потяни за которую и весь этот псевдоправдоподобный бред рассыплется, как карточный домик на ураганном ветру.

– Очень просто, – ответил Молчан. – Нечисть кресты не любит. Да Никон?

Никон, все это время молча наблюдавший за спором со стороны, угрюмо угукнул.

– И что же вы мне теперь предлагаете за престарелым мертвецом по лесу бегать? – Володаров попытался добавить немного фарса, чтобы подчеркнуть абсурдность идеи.

– Ну, это уж тебе виднее, Геннадий Павлович. Ты ж у нас тут теперь участковый. Я-то чего? Обычный ветеринар. А вандализм – дело серьезное. Такими вещами милиция должна заниматься. Жилье я тебе нашел? Нашел. Нос воротит, говорит, чисто слишком. Кабинет выделил? Выделил. Нос воротит, говорит, слишком пусто. Версию дал? Дал. Опять нос воротит. Ну что ж я могу поделаться? Не нравится тебе в Каменке жить по-Каменски? Живи по-своему. Но потом не жалуйся.

– И все же, что вы от меня сейчас хотите?

Молчан выкинул окурок, сплюнул на землю и ответил таким тоном, каким отцы отвечаю своим глупым сыновьям: – Работай, участковый.

4 Кот

После недолгого прощания Молчан пообещал подумать над вопросом мебели в новый рабочий кабинет, а затем вместе с Никоном отправился решать какие-то организационные вопросы, оставив Володарова одного стоять посреди сельского кладбища. Гена сильно сомневался, что у Молчана вообще возникали какие-то организационные вопросы. В таком селе как Каменка попросту нечего организовывать. Но придираться к надуманному поводу не стал. У него было дело поважнее, поинтереснее. Володаров до жути хотел выяснить, что же именно произошло прошлой ночью на кладбище, докопаться до истины и доказать упрямой деревенщине, что ничего сверхъестественного не существует.

К расследованию Володаров хотел подойти со всей серьезностью. И подошел. Первым делом он как следует осмотрел могилу. Со второго раза и без посторонних глаз, раздражающе пялящихся в спину, ему удалось увидеть нечто новое, что ускользнуло от внимания ранее. Приходилось признать, Молчан оказался прав по поводу щелок гроба, разбросанных вокруг ямы, но это было еще не все. Разрытая земля тоже имела большое значение. Вернее сказать, не сама земля, а то, как она лежала. Володаров уже видел подобное раньше. Сперва он не мог вспомнить где, но, как это обычно бывает, нужное воспоминание само выплыло на свет. Это были кадры из какого-то военного фильма. На них были изображены воронки от снарядов. Земля вокруг могилы Альбертыча лежала в точности так же, как и в том фильме, будто загадочный похититель (или похитители) трупов вместо лопаты предпочитал динамит.

– Интересно... – Володаров оглядел соседние могилы. Ничего не тронут. Оградки целые, надгробия – тоже. Тот, кто здесь поработал вряд ли был пьян, хоть Гене этого хотелось больше всего. Пьяный дебош всегда прост. Никакой загадки, одни эмоции. Но здесь все иначе.

На всякий случай обойдя яму по кругу, Володаров убедился, что ничего не проглядел. Никаких затерявшихся в траве следов ботинок, никаких забытых в спешке инструментов. Только грязь, сломанный крест и... и... Что это? Краем глаза Володаров заметил что-то, что зацепило его внимание. В первую секунду он даже не мог сказать, что именно. Просто какой-то щелчок, заставивший его застыть на месте. Нечто едва заметное там, через два ряда, у основания светло-голубого надгробия в форме скошенного прямоугольника. Делая осторожные шаги, Гена переступил через поваленный крест, затем перешагнул через оградку, вторую.

В траве у надгробия некого Сергея Гаршина лежал белый похоронный тапочек. Володаров наклонился, поднял его и задумчиво повертел в руках. На вид тапочек был не из дорогих, можно даже сказать – дешевым, но довольно большим, минимум сорок четвертого размера, а то и больше. Гена приложил его к своей ноге, чтобы убедиться. Да, так и есть, ощутимо больше его собственного сорок второго.

Володаров довольно улыбнулся, ведь найденный тапочек, а вернее не он сам, а его размер мог послужить хорошую службу в деле развенчания сельских мифов. Оставалось только вернуться к загадочным следам босых ног неподалеку, приложить к ним тапочек, убедиться, что ступня человека, оставившего следы, никак не могла принадлежать покойнику, и с гордостью рассказать об этом Молчану.

Какого же было разочарование Володарова, когда белый похоронный тапочек идеально лег на след.

– Ну это уже ни в какие ворота, – он озадаченно развел руками. – Просто издевательство какое-то.

С каждым новым шагом, с каждой найденной уликой все больше логичных, реалистичных теорий разбивались о нарастающее ощущение того, что Молчан прав. Но этого попросту не могло быть. Абсурд! Вдруг Володарова осенило. Точно, издевательство! Каменчане решили подшутить над новеньким, разыграть его. Это такая злая шуточка, которая должна убедить

его в том, что в Каменке ему не место. Здесь свои порядки и правила, по которым протекает жизнь. Бедная, залитая алкоголем и слезами жизнь, в которой он – чужеродный элемент, грозящий навести свои непонятные порядки. Ну что ж, в таком случае этому не бывать. Хоть пост сельского участкового должность не престижная, но это его должность, и он не отступит. Геннадий Павлович Володаров человек принципа. Доказательством тому служат его бурный полет вниз по карьерной лестнице и назначение в Каменку. А значит он не сдастся, пойдет до конца и выяснит, кому в голову пришла столь глупая идея. И когда выяснит – устроит ему такую головомойку, которая надолго отобьет желание шутить с органами правопорядка. Но чтобы это сделать, нужно сперва придумать каким образом поймать шутника.

Володаров шмыгнул носом и еще раз посмотрел на тонкую струйку следов, уходящую вглубь леса.

– Вариантов у тебя сейчас особенно и нет, Гена, – всплыл в голове знакомый внутренний голос. – Иди по следу, как ищейка, а там посмотрим, может куда и придешь.

Как и всегда, голос был прав. Володаров аккуратно сложил тапочек пополам, сунул его в карман штанов и пошел вперед, ведомый вмятинами на земле, оставленными босыми ногами минимум сорок четвертого размера.

***

Володаров ощущал себя индейцем, выслеживающим добычу. Здесь, в лесу, вдали от посторонних глаз он мог себе это позволить. Осторожно шагая между деревьев, изо всех сил стараясь не потерять след, он проникался странным чувством, которое не посещало его с самого детства. Таким знакомым, но давно забытым.

Вереница следов сперва сильно вихляла из стороны в сторону, а расстояние между ними было совсем маленьким, но постепенно шаги стали больше, увереннее, приобретая некое направление. Складывалось ощущение, что человек, прошедший здесь, был слаб, шатался, но потом пришел в себя и ускорился, будто вспомнив, куда идет.

Володаров увлеченно наблюдал за метаморфозами, происходившими с походкой неизвестного босняка, как вдруг замер на месте и настороженно огляделся. Взявшаяся из ниоткуда, мимолетная мысль заставила его инстинктивно напрячься всем телом.

«А что, если я дурак? – подумал он. – Что, если Молчан был прав, и Альбертыч действительно ожил ночью?»

Здесь, в чаще леса, вдали от помощи, от людей, эта определенно бредовая мысль уже не казалась такой бредовой. Словно под давлением неизвестности рациональное мышление отступало и его место потихонечку, по чуть-чуть занимало мышление мистическое. Вот, обычный весенний ветерок превращается в недобрый шепот за спиной, а ветки деревьев сплетаются, отбрасывая настораживающие тени.

– Нет, Гена, – в Володарове опять проснулся внутренний скептик, – не поддавайся на давление местных. Не сходи с ума. Дело плевое, обычный вандализм на почве алкоголизма. Таких в райцентре по паре на день происходило и что-то ты так не нервничал. Соберись, возьми себя в руки и начни уже, наконец, думать.

– Да, точно, – он поправил форму, напоминая тем самым себе, кто он есть на самом деле, – сейчас я всех выслежу, найду и накажу.

– Правильно. Вот это настрой. Только не спеши сильно, не теряй голову. Ты уже далеко ушел, так и заблудиться не долго. Тебе стоит вернуться назад и взять с собой того, кто знает эти места. А еще лучше, сперва опроси местных. Может и ходить никуда не придется.

С последним доводом скептика Володаров согласен не был. Он знал, откуда взялась идея отступить. Из страха. И поддаваться ему не хотел. Из лесу выйти проблем не будет, если возвращаться назад той же дорогой, а вот если сейчас след остынет, то поиски могут значительно затрудниться.

Решив все же продолжить путь, но не исключая возможности нападения (только чьего?), Володаров на всякий случай расстегнул кобуру.

Поиски продлились не долго. Около сотни метров далее того места, где след стал ровным, он оборвался. Как отрезали. И там, где он закончился лежали разорванные в клочья дешевый черный пиджак, не менее дешевые черные брюки и остатки белой рубашки. Одежда была выпачкана в земле и источала неприятный гнилостный запах, из чего Володаров сделал вывод, что именно в ней был похоронен Альбертыч.

«Любопытно... – он подобрал небольшую веточку и безгласно потыкал ею в рванье. – Если теория с шуткой местных верна, то стараний в эту шутку вложили будь здоров. Это ж надо было так над правдоподобностью заморочиться...»

Вдруг история с похоронной обувью повторилась практически в точности. За одним маленьким исключением. Володаров опять краем глаза заметил нечто примечательное, что-то, что приковало его внимание к себе, но только на этот раз вместо белой кляксы, лежащей в траве у надгробия могилки некоего Сергея Гаршина, было темное сплетение теней и света, по форме подозрительно напоминавшее человеческую фигуру. Кто-то определенно стоял там, справа, за деревьями.

Володаров насторожился, но виду не подал. Он, отложив в сторону палочку, медленно встал, не отрывая взгляда от остатков одежды нарочито зевнул, заставляя тем самым таинственного наблюдателя подумать, что объект слежки предельно расслаблен и ни о чем не подозревает, а затем развернулся в сторону силуэта так резко, как только мог.

Старик в тумане... Это было похоже на наваждение. На короткий, едва заметный миг Володаров отчетливо увидел того самого старика с длинными седыми волосами и бородой, вплетавшейся в них, сливаясь в одно целое. Его крючковатый нос был все так же похож на сухой сучок, а маленькие карие глазки, казалось, смотрели сквозь этот мир куда-то во вне. Он стоял там, возле дерева, сгорбившись, согнувшись почти пополам, и следил за Геней. Ну или по крайней мере ему так показалось, ведь спустя долю секунды наваждение пропало, растворилось как тот туман, оставив после себя неприятный привкус во рту и учащенное сердцебиение.

Володаров еще несколько секунд стоял как вкопанный, открыв от удивления рот, а когда немного пришел в себя – тут же кинулся к тому месту, где увидел мираж. Будучи человеком разумным, осмотрительным (ему хотелось про себя так думать), он даже в такой ситуации верил своим глазам больше, чем стоило бы. И раз его глаза увидели старика, значит он определенно был. Но все факты говорили об обратном. Добежав до нужного дерева, Володаров завертелся на месте, словно юла, выискивая старика. Естественно, никаких следов его и в помине не было. Но было кое-что другое – его потерянный ботинок. Непонятно откуда взявшись, он с гулким стуком упал Гене прямо на макушку.

Не ожидав подобного, Володаров схватился за голову, хоть больно совсем не было, и, перепуганный, отскочил в сторону. Замешательство продлилось недолго. Поняв, что случилось он поднял с земли ботинок и удивленно повертел его в руках, а затем не менее удивленно задрал голову. Естественно наверху не было ничего кроме веток и стволов деревьев.

– Ну это уже ни в какие ворота, – промямлил он вслух и развернулся уходить.

Неудачно начавшийся день испортил Гене настроение похмельной тошнотой, затем подкинул сверху вандализм и приправил щепоткой галлюцинаций, а теперь еще этот ботинок... Некоторые могли бы решить, что это вполне себе приключение, но Володаров считал совершенно иначе. В полдень пятницы он предпочел бы находиться в своем кабинете, в тишине и покое разбирая бумаги, но никак не в чаще леса, выслеживая якобы ожившего мертвеца (про пинок в голову собственным каблуком и заикаться не стоит). Одним словом, в эту минуту нервы у Володарова были на пределе.

***

Решение не продолжать слежку было спонтанным, эмоциональным. На пользу дело пойти оно точно не могло, и Володаров знал это, но ничего не мог с собой поделать. Он больше не мог находиться в Каменском лесу. По крайней мере в одиночестве. Видение старика из тумана заставило его усомниться в собственном разуме. Ненадолго, всего на секунду. Но этого было достаточно.

Одно во всем происходящем было хорошо, Гене не обязательно было идти по следу до самого конца. Понял он это уже после того, как снова вернулся к кладбищу. Нервно запустив руку в карман в привычной манере пытаясь нащупать пачку папирос, он наткнулся на белый тапочек, что прихватил с собой ранее. И это натолкнуло его на странную мысль. Попроси бы кто сейчас Гену ответить быстро и не задумываясь, что же это была за мысль такая, и он тут же ответил бы – Золушка!

Идея была гениальна в своей простоте. Володаров хотел было поругать себя за то, что не додумался до этого раньше, перед тем, как переться в лес, но вспомнил хорошую поговорку про то, что хорошая мысль приходит опосля, и не стал.

Альбертыч оказался удивительно удобным человеком. По крайней мере для Володарова. Во-первых, он оставил ему в «наследство» хорошо сохранившееся хозяйство. И во-вторых, обладал размером ноги, который встречается весьма редко. При жизни, возможно, он пользовался популярностью у противоположенного пола, ведь бытует мнение, что чем больше ступня, тем длиннее...

Володаров улыбнулся, представив девяностодвухлетнего щуплого старичка в окружении сельских красавиц.

Но сейчас не об этом. Большой размер ноги – это отличная зацепка, будто удачно оставленный убийцей отпечаток пальца. Почему? Все просто. Только нужно размышлять логически. Вероятность того, что Альбертыч каким-то непостижимым образом восстал из мертвых, выбрался из могилы и босиком потопал в лес, стремится к нулю, хотя скорее и есть ноль. Из этого следует, что, либо похититель очень сильно постарался, чтобы ноги мертвеца оставили следы, а их собственные – нет (такую картину Гена представить просто не мог), либо в селе есть еще один человек с таким же размером ступни.

***

Вернувшись в медпункт, Володаров застал Молчана в регистратуре. Тот, кряхтя и чертыхаясь толкал по старому кафелю солидных размеров письменный стол. От трения ножки натужно скрипели в унисон матам сельского головы.

– Вот! – Володаров широко размахнулся, будто он играл в домино и вот-вот собирался сделать рыбу, и с силой положил на стол белый тапочек.

Молчан, не заметив вошедшего участкового, вздрогнул от неожиданности, затем выпрямился и вытер тыльной стороной ладони проступившие на лбу капельки пота.

– Чего это? – он вопросительно глянул на Володарова.

– Улика, – ответил тот. – А это мне?

– Стол-то? Тебе, тебе. Тяжелый зараза. Подумал, что обычный, кухонный не сгодится. Не солидно, вроде как. А вот теперь жалею.

– И где вы его такой взяли?

– Где взял – там больше нет.

– Экспроприация властью частной собственности?

– Она самая. И что, теперь в тюрьму меня заберешь?

– Возможно. Но потом. Позже. На этот раз обойдемся небольшим одолжением.

– Ну здасьте, приехали, – Молчан недоумевающе показал на стол. – Одного тебе уже мало?

– Мне нужен список жилых домов в селе.

– Накой?

– Это для расследования, – Володаров не хотел рассказывать ему о теории с шуткой местных, потому, что не исключал возможности причастности головы к розыгрышу. Еще и как на зло столешница закрывала вид на его ступни.

– Ого. Для расследования? Ну если для расследования, тогда святое дело... Ты совсем что ли? Откуда у меня список всех жилых домов? Их тут не так уж и много, чтоб целый список составлять. И зачем он тебе сдался?

– Хочу опросить потенциальных свидетелей. Может вам помочь?

Молчан открыл было рот, чтобы отпустить очередную колкость на тему неразговорчивости местных, но предложение помощи остановило его. Он глянул сперва на Володарова, затем на белый тапочек, лежавший на столе, и широко улыбнулся.

– А давай. Тем более, тебе в кабинет тащим, так что мог бы и не спрашивать.

Володаров кивнул, обошел стол с другой стороны и взялся за крышку, при этом едва заметно глянув на ноги Молчана. Размер был явно меньше сорок четвертого. Не удивительно, ведь ростом сельский голова не вышел, а у низких мужчин очень редко встречаются крупные ступни, но лучше проверить и убедиться, чем не проверить и гадать.

На деле стол оказался еще тяжелее, чем выглядел. Володаров, конечно, не подавал виду, но удерживаться от натужного кряхтения с каждой секундой становилось все сложнее. Благо, нести было не далеко. Единственная сложность, возникшая на пути, заключалась в небольшом несоответствии ширины крышки стола и дверного проема кабинета, но ее быстро удалось преодолеть.

– А знаешь, что? – Молчан упер руки в бока, созерцая новую мебель в кабинете. Пока это были только стол, стул и какая-то странного вида тумбочка. – Уже ничего, правда? Не рай-центр, конечно, но для Каменки вполне сойдет.

– Не переживайте, Валера. В райцентре кабинеты выглядят ненамного лучше.

Молчан оценил шутку и коротко хохотнул.

– Может и так, Геннадий Павлович. Может и так... Стало быть список тебе нужен?

– Да. Было бы неплохо. Есть тут у меня одна идея, как вашего вандала поймать. Но в слепую по селу бродить и в каждые ворота ломиться как-то не хочется. Да и времени на это уйдет уйма. Вот я и подумал, что кому как не вам знать, кто где живет.

– Забавный ты мужик, – Молчан взял со стола тапочек и повертел в руках. – Упертый, но забавный. Особенно, когда в сыщика играешься... Ну раз идея у тебя есть, то куда деваться? Так уж и быть, помогу тебе, посмотрю, как ты зазря народ дергаешь.

Володарова слегка обидело, что его расследование не воспринимается всерьез, но заострять на этом свое внимание он не стал, запомнил на будущее, чтобы потом ткнуть носом, когда найдет похитителя трупов.

***

– Никитин, открывай! – Молчан громко постучал по воротам так, что они слегка пошатнулись. – Хорош дрыхнуть, алкота!

Сельский голова выбрал этот дом не просто так. По его словам, он, за исключением Никонковского, находился ближе всего к кладбищу. Для Молчана, по всей видимости, было совершенно не важно, что из его грязных окон света белого не видно, не то, что места преступления.

– Повезет тебе, Геннадий Павлович, – повернулся он к Володарову, – если эта скотина вообще встанет. Он в последнее время совсем сдал. Если ты меня понимаешь. Жена его как померла, так запил он. И с каждым годом все сильнее. Ему еще повезло, что по молодости спортивным был, запас здоровья какой-никакой имел. ОТКРЫВАЙ, СОБАКА, ЛЮДИ ЖДУТ!

Молчан заорал так резко и громко, что Володаров невольно поморщился.

Вопли сельского головы были услышаны. Входная дверь дома натужно скрипнула, и в проеме появился мужчина. На вид он казался старше Молчана лет на десять, не меньше, но в действительности был его ровесником. Нездоровый образ жизни сильно его состарил, подарил темные мешки под глазами, опухший нос, испещренный крупными синими прожилками капилляров, и огрубевшую кожу лица, делавшую его похожим на большую картофелину.

– Валера? – Никитин был явно спросонья и плохо понимал, что происходит. – Ты чего орешь в такую рань?

– Какую рань? Обед на дворе. Иди, алкота, ворота открывай. Разговор есть.

Громко ворча и шаркая по земле домашними тапочками, Никитин пересек двор, отпер ворота и вышел на улицу. Окинув подозрительным взглядом Володарова, он пожал руку Молчану и недовольно буркнул: – Чего тебе?

– Мне-то? – Молчан пожал плечами. – Мне ничего. Все жду, пока ты к Любе по вторникам заходить перестанешь.

– Никогда, – огрызнулся Никитин.

– Да хрен там плавал. Печенка отвалится, и сразу перестанешь. Вот и жду, чтоб не прозевать. А то потом на все село вонять начнешь.

Никитин только раздраженно отмахнулся и снова глянул на Володарова.

– Это Геннадий Павлович, наш новый участковый, – представил его Молчан, а затем с легкой издевкой добавил: – Он расследование ведет.

– Нахрена нам участковый? – Никитин выглядел немного растерянно.

– Да кто ж его знает? Но раз приставили, значит нужен.

– Вы ничего подозрительного этой ночью не слышали? – с места в карьер начал Володаров. Ему уже порядком поднадоело выслушивать неуместные вопросы в свой адрес, и он решил, что впредь будет пресекать их на корню.

Никитин ничего не ответил и вопросительно посмотрел на Молчана.

– На погосте могилку потревожили, – уточнил тот. – Вот, ищем кто это мог сделать.

– На погосте? Нехорошо это... Нехорошо... – Никитин замолчал и нахмурился, будто вспоминая что-то.

– Так слышали или нет?

– А? Нет ничего не слышал. Я в последнее время сплю подолгу. Вот вчера лег после ужина, а сегодня вы меня разбудили.

– Это много, – в голосе Молчана промелькнула нотка обеспокоенности. – И что, часто ты так?

– Ну с месяц уж точно. Старость не радость, сам знаешь. Но это ничего. Вот как потеплеет, так чаще на улицу выходить стану и все наладится.

– Точно? Может ко мне в медпункт зайдешь? Я на тебя гляну. Видок у тебя не очень.

– Нет, нет, – замотал головой Никитин. – Все хорошо. Только до тепла дотянуть, а там видно будет.

– Ну смотри, как знаешь. Только пить бы ты завязывал. Сколько можно-то?

– Да-да... Каждый раз одно и то же. Ты меня, Валера, жизни не учи. Я сам кого хочешь научить могу. Лучше бы хоть разок в гости зашел со своей ореховой. А то как нотации читать, так ты тут как тут, а как с товарищем посидеть, поговорить по душам, так нет его.

– Ну уж дудки. Плавали – знаем. Ты как сто грамм выпьешь, так опять свою шарманку заводишь про жену. Сидишь, сопли жуешь. Никакого удовольствия.

– Да иди ты... – обиженно прошипел Никитин.

– Все там будем, – фыркнул Молчан. – Геннадий Павлович, у тебя еще вопросы есть?

Володаров взглянул на ступни Никитина, убедился, что их размер ощутимо меньше нужного и отрицательно мотнул головой.

Молчан без особого энтузиазма попрощался с Никитиным и повел участкового к следующему в его мысленном маршруте дому.

– Ты на нашу ругань внимания не обращай, – начал оправдываться голова, когда они отошли подальше от ворот. – Мы с Сашкой старинные друзья. Просто тяжело видеть, как человек сам себя гробит. Вот злость меня и берет. А со злости я всякого ляпнуть могу не подумав. Так-то он мужик золотой, но с тех пор, как жену его на погосте нашли, запил сильно.

– Я его понимаю, – ответил Володаров. – Потеря родственника, особенно близкого, это очень тяжело. У некоторых просто не хватает сил перенести. Но алкоголем делу не поможешь. Мне отец всегда говорил, что водка, как увеличительное стекло. Если тебе хорошо, то она добавит веселья, но если плохо – сделает только хуже.

– Вот-вот! И я ему так же говорил. Но он, гад, упертый, а своей головы не вставишь. Я уже и Любку просил, чтоб водку ему не продавала, а она только плечами пожимает. Говорит, мол, что он платит регулярно, а магазину как-то жить нужно. Короче патовая ситуация, Геннадий Павлович, патовая. Кстати, я заметил, ты не особенно его услышать хотел. Больше на ноги егойные смотрел. Это что у тебя за передовые методы ведения следствия такие?

– У того, кто след босой на кладбище оставил размер ступни большой... – не задумываясь ответил Володаров и тут же осекся. Он понял, что нехотя выдал секрет следствия человеку, возможно замешанному в преступлении.

– Ух ты хитрый какой, – Молчан одобрительно кивнул. – Теперь мы как в Золушке будем за нужной ножкой охотиться? Здорово. Только вместо хрустальной туфельки у нас белый похоронный тапок... Не, ну а чего? Все по Каменски, как положено. Одобряю. Только я тебе сразу могу сказать, что ничего у тебя не получится.

– Вот как? Неужели вы размеры ног всех жителей знаете?

– Глупость какая, Геннадий Павлович. Нет, конечно. Да и накой кому такое знание нужно? Разве что сапожнику...

– Ну и чего ж тогда не выйдет?

– А того, что ты старшего и опытного товарища не слушаешь. Ты, может, сам и не суеверный... пока, но остальные-то здесь давно живут. Кой чего понимают. Ни один здравомыслящий каменец могилу ворошить не станет. Дурная примета. Мертвых лучше не трогать, а не то беды на голову сыщешь.

Володаров задумался. Слова Молчана определенно имели смысл.

***

Следующим местом, куда сельский голова привел Володарова был дом, который выбивался из общей картины окружающей разрухи. Сам по себе он выглядел ненамного лучше соседствующих строений, но вот двор... Все расстояние от забора и до входных дверей было завалено какими-то железками, мотками проволоки, разобранными двигателями, кусками рельс. Среди всего этого парада ржавчины Володарову удалось разглядеть даже корпус от Нивы. В нем отсутствовали двери, крыша и капот, от чего он походил на скелет давным-давно умершего животного.

Подойдя к воротам, Молчан нажал на неприметную кнопку, спрятанную под кожаной накладкой (скорее всего от дождя), и в окне дома, выходявшем на улицу тут же мигнул свет, а через пару мгновений появился бледный овал лица. По всей видимости это был хозяин. Молчан помахал ему рукой, тот помахал в ответ, а после скрылся из виду. Еще через пару секунд двери открылись, и на улицу вышел высокий парень с буйной шевелюрой цвета сухой соломы.

Ловко лавируя среди хлама, парень подошел к воротам и открыл их.

– Привет, Пашка, – Молчан пожал парню руку. – Как твое ничего?

– На-у-май-но, – неразборчиво промычал тот и улыбнулся.

– Нормально – это хорошо. А мать как?

Пашка пожал плечами.

– Здравствуйте, – на этот раз Володаров решил сам представиться, – меня зовут Геннадий Павлович Володаров. Я ваш новый участковый. Вы случайно не слышали ничего подозрительного сегодня ночью со стороны...

– Гена, – не дал ему договорить Молчан, – у него со слухом беда. Мать совсем глухая, а он почти ничего не слышит.

Володаров почувствовал себя неловко и переступил с ноги на ногу.

– Прошу прощения, – он стал говорить немного громче и четче. – Я не знал...

– Не на-да кри-и-чать, – улыбнулся в ответ Пашка. – Я чи-и-та-ю по гу-у-бам.

Володаров в одобрительном жесте поднял большой палец. Он не знал, почему, но всегда чувствовал себя неловко в обществе инвалидов. Он не знал, как с ними обращаться, о чем говорить, чего избегать. Они были будто не с этой планеты, и общение с ними для Гены было слишком тяжелым в плане самоконтроля и осторожности.

– Пашка наш местный Кулибин, – разбавил неловкое молчание голова. – Золотые руки у парня. Когда дело касается техники, он может починить что угодно. Да чего уж тут, он село практически спас своей дрезиной.

– Вот как? – заинтересовался Володаров.

– А то! – довольно ответил Молчан, будто лично был причастен к подвигу. – Из чего ты ее соорудил, Паш?

– Ко-у-пус от у-а-си-ка и ста-ый ди-и-сель, – промычал Пашка. – Бы-во не сло-ш-но.

– Ну, не прибедняйся, скромник. Благодаря его дрезине, Геннадий Павлович, наши теперь в город смотаться могут в случае чего. В магазин товару купить, себе лекарств в аптеке. Да и так, мало ли что понадобится.

– А что, на автомобиле никак? – задал глупый вопрос Володаров, ведь он сам добирался до Каменки пешком. Но пока говорил Молчан, он был рад задавать любые вопросы, лишь бы свести к минимуму общение с Пашкой.

– Сейчас уже да. Раньше дорога какая-никакая была, но ее в девяностом смыло начисто. Вот теперь только по карьерной узкоколейке и ездим.

– Понятно... – Володаров собрался с мыслями, сосредоточился и, наконец, спросил напрямую парня: – Павел, а у вас в селе компания есть? Друзья, товарищи с которыми вы проводите досуг?

– До-уг? – переспросил Пашка.

– Ну да, досуг, свободное время, – уточнил Володаров.

В ответ парень показал пальцем на свалку металлолома у себя во дворе: – До-уг.

– Спасибо, Паш, – Молчан еще раз пожал руку парню. – Бывай здоровый, и маме привет передавай. Если ей станет лучше, приводи ко мне. Хорошо?

Пашка кивнул, затем улыбнулся Володарову и скрылся за воротами.

– А нам с тобой, Геннадий Павлович, пора закругляться. Домой нужно идти.

– Постойте, – возразил Володаров, – но ведь времени еще только три часа. Нам надо обойти всех, кого успеем.

– Оно-то может и надо, но только завтра, – Молчан показал пальцем куда-то в сторону. Володаров проследил направление, и между двух заброшенных домов увидел, как вдалеке, из тонкой черной полоски леса, будто молоко сквозь зубы, сочится туман. – Сегодня тебе лучше дома переждать. Это я как врач советую. Завтра продолжим, уверяю, если в Каменке и есть болышеногий дурачок, укравший Альбертыча из могилки, то сегодня он уже никуда не денется. Пойдем.

– Нет, Валера, вы идите, а я останусь. Рано еще, да и работы невпроворот. Сам как-нибудь справлюсь с ориентированием. Тем более на этот раз я не в чистом поле, дорогу домой найду.

– Да что ж ты упертый такой, а? Говорят тебе, что туман, пора, а ты не слушаешь. Запомни раз и навсегда, Каменский туман не простой. Налетает часто, и ничего хорошего от него не жди. Туманные дни местные пустыми зовут не просто так. В такую погоду лучше ничем важным не заниматься. Либо не получится, либо что еще. Считай, что сама природа тебя сглазить хочет. Так что обычно как из лесу эта гадость к нам наползает, так все по домам сидят и не высываются. И тут ты, вдруг, такой весь участковый начнешь в ворота стучать. Кто ж тебе откроет?

– Ну вы же вчера открыли? Вот и они откроют.

– Я открыл потому, что у меня ружье есть. Пойдем, Геннадий Павлович, не испытывай судьбу. Один раз лесовик наш тебя пожалел, в другой не пожалеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.